

Илья Марков

**ОСЬ
ОДИНОЧЕСТВА**

*Стихи
Переводы*

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
УДМУРТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Серия «Языковое и межкультурное образование»

ИЛЬЯ МАРКОВ

**ОСЬ
ОДИНОЧЕСТВА**

СТИХИ
ПЕРЕВОДЫ

Ижевск – 2006

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2=Рус)6-5
М 268

Подготовлено к изданию при поддержке Российского гуманитарного
научного фонда, проект № 04-06-00326а.

М 268 Марков Илья. Ось одиночества: Стихи. Переводы. Ижевск: Изд. дом
«Удмуртский университет», 2006. 184 с.

«Ось одиночества» – стихи и переводы, первая книга автора.

Напечатано при финансовой поддержке попечительского совета ИИЯЛ
и ОАО «ИЭМЗ «КУПОЛЬ».

ISBN 5-7029-0268-8

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2=Рус)6-5

© Марков И.В., 2006
© Изд. дом «Удмуртский университет», 2006
© ИИЯЛ УдГУ, 2006
© ИДМОО «Полиглот», 2006

ОГЛАВЛЕНИЕ

Д.И. Черашняя. Новое имя	14
Есть время незнания бедствий...	15
Есть время незнания бедствий	15
Песенка ветра	15
В государстве сыра, банков и часов.....	16
Я проснулся, а за окном	16
В стихе стремясь расположить	17
В сиреновой бухте привольно живет	17
Скучают без мамы котятa	18
Меридиан	18
В реке я вижу целый мир.....	18
Ипси-Випси.....	19
Когда к вам ночью приходит.....	19
Котенку	20
Давным-давно когда-то.....	20
Мне судьба не по плечу	21
Рождество	22
Безмятежно младенец спал	23
Завязал на счастье узелок	23
Фонари потонули во мраке	24
Есть на свете старик...	25
Ты совершенно права	25
Есть на свете старик	26
Паук	27
Парою карих глаз	27
Плач	28
Стансы	28
В заколдованном кругу	29
Я подбираю ночь на вырост.....	29

Один стою на палубе галеры.....	29
Среди глупцов и бездорожья.....	30
Говорят, что забывчивость – маленький грех.....	30
Я маленький и слабый человек.....	31
Не радуют ни вечер, ни заря.....	31
Дневник – его я не веду.....	32
Я и Ты	33
В вазе на окне.....	33
Давай молчать и думать о своем.....	33
Бери, что хочешь у меня – я все отдам.....	34
Оглянись, Орфей, оглянись.....	34
Не возвращайся. Даже не мечтай.....	35
Девочка – ангел, живой цветок.....	36
Когда половина неба.....	37
Решайся скорей – не зря говорят.....	37
Годами тянулось, мялось.....	37
Как? Ты пришла! Тебя я долго ждал.....	38
Все будет потом – торопится не надо.....	38
Ты уезжаешь не на день, не на год.....	39
Все плохое меж нами – да станет прошлым.....	39
Отражение в зеркале пахнет твоими духами.....	40
Развлечься решив немного.....	40
Прощай – это слово из букв шести.....	41
Печальный август плакал облаками.....	42
Пора оставить порванную нить.....	43
Когда угодно было бы судьбе.....	43
Ты что-то погрустнела, и тотчас.....	44
Давай поговорим о молоке.....	44
Сонет.....	45
Давай держатся друг за друга.....	45
Алчность минут душист свободу.....	46
Здесь жить нельзя.....	47
Опять фонарь, опять аптека.....	47

Здесь жить нельзя	47
Если Старый век мы не проводим.....	48
На другом краю света, почти в иной.....	49
В скульптуры заточенные вожди.....	50
Чтобы жизнь не портили печали	51
Ночью все кошки серы.....	51
Человека, что пешку	52
Вечером в центре города	52
В нетопленной стране.....	53
Статична жизнь. Ее не изменить.	53
Плоть золотая яблоком спелым	54
Вижу в последние дни все чаще.....	54
Удаляется век нагловатой походкой.....	54
Настоящее настоящее.....	55
Как смешно – Сегодня.....	55
Над огнем наклоняясь вечным	55
Заветные младенческие грезы.....	56
СНЫ	57
Я шел извилистым и длинным коридором.....	57
Багровый полдень сушит мозг	59
Волчьи ягоды – волку	59
Толстокожие носороги	60
Безумные люди бездумно веками	60
Когда-нибудь я просто растворюсь	60
Город стоит на вершине холма	61
Заполненный водою грот	62
Ты прав, Грюнбайн, все было: Мерседес	62
Стоит каштан у входа во дворец.....	63
Седьмую ночь – один и тот же сон.....	64
Когда серебряные струи.....	64
Встать утром и отправиться за город.....	65
Умирая, не слышат слов	65
Жизнь выпита без остатка.....	65
Жизнь вышла из намеченного русла	66

Любое насекомое таит	67
Шепот акации, хруст мацы	68
Что-то огромное, будто поле	69
Посреди песка	70
Легко, уверенно и зримо.....	71
Приходишь в дом, а в доме никого	71
Есть высоко под самым небом	72
Есть мир предельной перспективы.....	73
Купол небесный покрыт позолотой	74
Когда-нибудь весна придет...	75
Серебряный вечер. Божественный снег.	75
Незримым и таинственным эфиром	75
Кончился март, начался апрель.....	76
Невесомый, неброский, прозрачно-простой.....	76
Когда-нибудь весна придет	77
Все мелькают быстрее огни	77
Крым. Серебристый закат	78
Этюд.....	78
Шумят березы, клены, липы.....	78
Залита туманом площадь	79
Осенний день	80
Сирень.....	81
Церковь в полночной дреме.	81
Весь день шел дождь с рассвета дотемна	82
Улица, став катком	83
Из лета в осень несется поезд	84
Осенний вечер темен и суров.....	84
Еще последнею листвою.....	85
Когда на улице весна	85
Как после ливня воздух свеж	86
Пустынный парк печали полон.....	86
Слезы пронзительным ветром не вытереть.	86
Сентябрьский вечер пуст и мглист	87
Запах хвои и вкус мандарина	87

Об искусстве.....	88
За мною ходят по пятам.....	88
Поэты- чужое племя.....	88
На смерть Бродского.....	89
Шумит река в гранитной колыбели.....	89
Чем выше к вершине.....	90
Я не сплю. Четыре ночи.....	91
Ночное небо – словно темный.....	92
Пока спокойно сердце бьется.....	93
Об искусстве.....	93
Есть время жить и время умирать.....	93
Белая туника, черный силуэт.....	94
Он выбирал из множества имен.....	94
Памяти Д. Бесогонова.....	95
Когда из жизни выживу.....	95
Я ищу потайные тропы.....	96
Когда художник, взявши кисть.....	96
После долгой зимы, не сразу.....	97
Воображение рака или рак воображения.....	98
Анамнез.....	98
Из 3. Херберта Как неуклюжий шмель,.....	108
Переводы.....	109
<i>Michael Drayton Idea XXXVII</i>	109
Из Майкла Дрейтона Сонет 37.....	110
<i>William Wordsworth To Sleep</i>	111
Из Вильяма Вордсворда Сонет Сну.....	112
<i>John Keats On the Grasshopper and Cricket</i>	113
Из Джона Китса Кузнечик и сверчок.....	114
<i>Christina Georgina Rossetti Remember</i>	115
Из Кристины Д. Россетти Не забывай.....	116
<i>Christina Georgina Rossetti Up-Hill</i>	117
Из Кристины Д. Россетти В гору.....	118

<i>Thomas Hardy</i> The Darkling Thrush.....	119
Из Томаса Харди Черный дрозд.....	120
<i>William Ernest Henley</i> Invictus.....	121
Из Уильяма Эрнеста Хенли Invictus.....	122
<i>Oscar Wilde</i> Symphony in yellow	123
Из Оскара Уайлда Симфония в желтом.....	124
<i>Edwin Arlington Robinson</i> Richard Cory.....	125
Из Эдвина Арлингтона Робинсона Ридчард Кори.....	126
<i>A. A. Milne</i> Halfway Down.....	127
Из Алана А. Милна Посередине лестницы.....	128
<i>A. A. Milne</i> Independence.....	129
Из Алана А. Милна Независимость	130
<i>Edna St. Vincent Millay</i> Bluebeard.....	131
Из Эдны Сент-Винсент Миллей Синяя борода.....	132
<i>Edna St. Vincent Millay</i> If I should learn, in some quite casual way.....	133
Из Эдны Сент-Винсент Миллей Когда бы мне случайно довелось	134
<i>W. H. Auden</i> Stop all the clocks, cut off the telephone.....	135
Из У. Х. Одена Ни слова вслух. Заткните телефоны.....	136
<i>Seamus Heaney</i> Mint	137
Из Шеймаса Хини Мята.....	138
<i>Douglas Dunn</i> A Removal from Terry Street.....	139
Из Дуэласа Данна Переезд с Терри-стрит	140
<i>Stevie Smith</i> Not Waving but Drowning.....	141
Стиви Смит Я не махал рукою, а тонул	142
<i>Mary Elizabeth Coleridge</i> Heavy is my heart.....	143
Из Мери Элизабет Кольридж Мое сердце болит	144
<i>Gottfried Benn</i> Ein Wort	145
Из Готфрида Бенна Слово.....	146
<i>Alfred Edward Housman</i> White in the moon the long road lies.....	147
Из Альфреда Э. Хаусмена Блестит дорога под луной.....	148
<i>J.M. Synge</i> Prelude	149
Из Д. М. Синга Прелюд.....	150

<i>Eleanor Farjeon</i> This holy night.....	151
Из Элиноор Фарджен Эта святая ночь	152
Lord Randal.....	153
Лорд Рэндел (Шотландская баллада).....	154
<i>Stephen Crane</i> There was a man with tongue of wood	155
Из Стивена Крейна	156
Жил когда-то человек с деревянным языком, ...	156
<i>Stephen Crane</i> The livid lightnings flashed in the clouds;.....	157
Из Стивена Крейна	
Бледная молния вспыхнула в облаках	158
<i>Stephen Crane</i> If I should cast off this tattered cloth.....	159
Из Стивена Крейна Если я скину свои лохмотья	160
<i>Stephen Crane</i> Fast rode the knight	161
Из Стивена Крейна Рыцарь летел, обгоняя ветер.....	162
<i>Stephen Crane</i> Black riders came from the sea	163
Из Стивена Крейна Черные всадники вышли из моря.....	164
<i>Stephen Crane</i> In the desert.....	165
Из Стивена Крейна В пустыне	166
<i>Stephen Crane</i> Many workmen	167
Из Стивена Крейна Сотни рабочих.....	168
<i>Stephen Crane</i> A man saw a ball of gold in the sky.....	169
Из Стивена Крейна Человек увидел в небе золотой шар ..	170
<i>Stephen Crane</i> There was, before me	171
Из Стивена Крейна Передо мной	172
<i>Henry Wadsworth Longfellow</i> Curfew	173
Из Генри Уодсворта Лонгфелло Колокольный звон	174
<i>William Blake</i> The Tiger.....	175
Из Вильяма Блейка Тигр	176
<i>John Keats</i> Meg Merrilies	177
Из Джона Китса Мэг Мэррилиз	178
<i>Thomas Campbell</i> Florine	179
Из Томаса Кемпбелла К Флорин	180
<i>John Keats</i> When I have fears that I may cease to be	181
Из Джона Китса Когда мне страшно, что уйти могу	182
<i>Emily Dickinson</i> I reason, Earth is short.....	183

<i>Из Эмили Дикинсон</i> Я знаю – жизнь тоска.....	184
<i>Richard M. West</i> All the Drunken Poets	185
<i>Из Ричарда М. Вэста</i> Всем спившимся поэтам	186
<i>Sir Philip Sidney</i>	
My true-love hath my heart, and I have his	187
<i>Из сэра Филипа Сиднея</i> Мое взял сердце милый, дав свое	188
<i>Andrew Motion</i> In the Attic	189
<i>Из Эндрю Моушена</i> На чердаке	190
<i>Richard M. West</i> Gallant Fox	191
<i>Из Ричарда М. Вэста</i> Галлант Фокс	192
<i>Charles Bukowski</i> So you want to be a writer?.....	193
<i>Из Чарльза Буковски</i> Если это не прорывается изнутри ..	195
<i>Seamus Heaney</i> St Kevin and the Blackbird.....	197
<i>Шеймас Хини</i> Святой Кевин и дрозд	198

НОВОЕ ИМЯ

Опыт переживания страха тьмы, страха жизни, боязни людей и суеты, любви и страдания. Опыт невезения и одиночества. Но и – преображения одиночества существования в одиночество творческое, не уведящее от мира, а напротив, питаемое «чужой бедой и личной болью».

Это *книга-путь*. Шаг за шагом, этапами миропонимания, поэт движется одновременно вглубь себя, к самоопределению и самостоянию, и вовне – вперед и вспять – к сути бытия и к его истокам.

Удивительно то, что независимо от масштаба разговора (будь то «*мелкая дрожь* озябшей *лошади*» или круги Дантова ада»), при очевидной хорошей образованности поэта, его лирические монологи, поэма и переводы всегда сохраняют естественность интонации. Никакие приемы организации речи как *стихотворной* (ритм, рифма, строфика и другие) не препятствуют непринужденности ее течения (проверьте на слух!). Непосредственность усиливается благодаря столь неосторожно отброшенному сегодня, но свойственному автору, высокому чувству простоты и столь счастливо им сохраненным сквозь годы (в расшатываемом нами и без того сумасшедшем мире) наивности и мудрости ребенка.

Читатель-друг! Пусть началом знакомства с новым для Вас именем поэта и переводчика Ильи Маркова станут эти его строки:

Есть время жить и время умирать,
Писать стихи и расставаться с ними,
Свою тоску по капле собирать,
Делить ее без жалости с другими.
Всему свой час положен под луной,
Любому воплощенному предмету.
И в этом суть стабильности земной
И смысл существования поэта.

Д. Черашняя, филолог

Есть время незнания бедствий...

* * *

Есть время незнания бедствий,
Сомнений, предательства, зла –
Оно называется детством.
Избыток любви и тепла,
Полученный нами авансом,
Пока мы не ведали тьмы –
Дает удивительный шанс нам
Пройти по дороге людьми...

ПЕСЕНКА ВЕТРА

Ни мамин я, ни папин –
Я вообще ничей.
Горжусь своей свободой,
Свободой своей.
Хочу – спешу на север,
Хочу – лечу на юг.
Ведь для меня все двери
Распахнуты вокруг.
И мне, когда я весел,
Не скучно одному –
Пою свои я песни
И всем, и никому!

* * *

В государстве сыра, банков и часов
Вежливые люди ходят без усов,
С умными глазами, доброю душой
Необычно яркой, сказочно большой.
В озере купаясь и катаясь с гор,
Свой зеленоокий солнечный простор
Сохраняют нежно с точностью весов
В государстве сыра, банков и часов

* * *

Я проснулся, а за окном
За решеткой из белых линий
(Показалось мне это сном) –
Распустился на ветках иней.
Я уткнулся лицом в стекло –
Виден неба кусочек синий.
Как сегодня нам повезло –
Распустился на ветвях иней.
Сразу с сердца сдуло хандру –
По указу какой богини,
Вы скажите мне, поутру
Распустился на ветках иней?

* * *

В стихе стремясь расположить
Слова в порядке надлежащем,
Сумел я в связи уличить
Сказуемое с подлежащим.
Они, прижатые к стене,
Держались за руки, как дети,
И тихо объясняли мне,
Что на странице, как на свете,
Любовь всех вместе взятых муз
Могущественнее и сильнее...
И, смилостившись, их союз
Я подписал рукой своею.

* * *

В сиреновой бухте привольно живет
Живой настоящий большой кашалот,
Что тихо фонтаны пускает во сне,
Катает детей на огромной спине,
Спасает дельфинов из крепких сетей
И в поиске новых веселых затей,
Не ведая боли, не зная тоски,
Легко обгоняет мальков косяки.
Он всеми доволен и каждому рад;
Любому он дарит восторженный взгляд,
Взамен НИКОГДА не прося ничего –
Поэтому люди и любят его...

* * *

Скучают без мамы котята,
Скучают без мамы щенята,
Скучают без мамы тигрята,
Совята скучают и лвята,
И папы скучают без мамы,
И мамы скучают без мамы.
И я скучаю без мамы,
Хотя я уже большой.

МЕРИДИАН

Из далеких южных стран
Белой Антарктиды
К нам пришел меридиан,
Повидавший виды.
Осмотрелся, погостил
И, отведав пышек,
Он на север укатил
В гости к белым мишкам.

***

В реке я вижу целый мир:
Деревья, облака,
Утиный маленький пунктир,
Ловушку паука.
Я вижу солнце и траву,
И золотистый холм,
И, кажется, что сам живу
Не в этом мире – в том.

Ипси-Випси

Ипси-Випси паучок
Взбирался вверх по стеблю,
Покуда дождик-озорник
Не смыл его на землю.
Но чуть успело солнышко
Озорника унять,
Как Ипси-Випси паучок
Шагает вверх опять!

***

Когда к вам ночью приходит,
Неслышно ступая, в дом
Сон в мягкой богатой шубке
С прекрасным пушистым хвостом,
Когда он, нежно мурлыча,
Ластится к вашей руке,
И бархатным теплым дыханьем
Скользит по усталой щеке,
Его от себя не гоните,
Его не гоните вы прочь –
Печально одним оставаться
На долгую темную ночь.
Возьмите соненка, возьмите
К себе на колени, друзья,
Покрепче его обнимите,
Прижмите, как делаю я.
Ну, а когда он задремлет,
Вам тоже захочется спать,
И от земли оторвется
Привычная ваша кровать.

КОТЕНКУ

Подойди поближе, дурень,
Мы с тобой похожи –
У тебя мороз по шкуре,
У меня по коже.

Подойди ко мне, усатый,
Не робей, трусливый,
Ну, куда же ты, куда ты?
Ну, пока, счастливо...

* * *

Давным-давно когда-то
На берегу реки
Четыре жили брата,
Простые рыбаки.
Не ведая печали,
Не зная о тоске,
Они зарю встречали
На розовом песке.
Вставая на рассвете
И радуясь теплу,
Закидывали сети
В серебряную мглу.
И пили божью милость,
Согласьем меря дни...
Но как-то раз, случилось,
Повздорили они.
И первый, гроздя гнева
Сокрыв на дне души,
Направившись налево,
Исчез в лесной глуши.
Второй, пойдя направо

Сквозь давящую мглу,
Стопы свои направил
К ближайшему селу.
А третий с легкой грустью
И думой на челе
Пошел неспешно к устью
И скрылся в толще лет.
Четвертый, синеокий,
Красивейший из всех,
Направился к истоку
Смывать тяжелый грех.
С тех пор им не собраться
И вместе не сойтись –
Расколотое братство
Печально смотрит ввысь.
И только ели в лапах
Пересылают вздох
То с севера на запад,
То с юга на восток.

* * *

Мне судьба не по плечу –
Слишком велика.
Я сменить ее хочу,
Но, увы, пока
По размеру не нашел...
Впрочем, может быть,
Это даже хорошо –
Будет, что носить,
Если вырасту...

РОЖДЕСТВО

Дыханьем тысячи свечей
Согреты образа,
Сияньем солнечных лучей
Зажглись людей глаза.
Душа поет, душа парит
По воле неземной,
Святая музыка звучит
За храмовой стеной.
Искрится снег, играет свет,
Покой кругом разлит.
Сегодня злomu места нет –
Вокруг добро царит.
И дышит счастьем и теплом
Природы естество –
Внеся любовь, пришло в наш дом
Святое Рождество!

7.01.1994

* * *

Безмятежно младенец спал
В тот предутренний час, когда
Мельхиор, Балтазар, Гаспар
К колыбели пришли. Звезда,
Путеводный исполнив свой
И провидческий долг сполна,
Вместе с нежною тишиной
Встала преданно у окна.
На охапки сухой травы,
Цветом родственной янтарю,
Положили дары волхвы,
Поклонились затем царю.
И лежали дары троих
Не запятнаны и чисты,
И смотрела звезда на них
Из заоблачной высоты.

* * *

Завязал на счастье узелок,
Против сглаза пальцы рук скрестил –
Сделал все, что мог и что не мог –
Все равно удачу упустил.
Но кричать и плакать он не стал,
Усмехнулся и продолжил путь –
Только с кривоватого моста
Бросил рубль в синеющую стужу.

* * *

Фонари потонули во мраке,
Тополя погрузились во мглу,
Вечер в праздничном бархатном фраке,
Вальс танцует с луной на углу.
И влюбленная пара кружится
В ровном вальсе всю ночь напролет,
Им на плечи улыбкой ложится
Тишины немерцающий свет.

Есть на свете старик...

Я - Никто. А ты - ты кто?
Может быть - тоже - Никто?
Тогда нас двое. Молчок!
Чего доброго - выдворят нас за
порог.
Как уныло - быть кем-нибудь -
И - весь июнь напролет -
Лягушкой имя свое выкликать -
К восторгу местных болот.
Э. Дикинсон (пер. В. Марковой)

Ты совершенно права -
Я тоже никто -
Закрывая паранджой голова,
Шторой задернутое окно.
Для всех мое имя тайна,
Меня не заботит это;
Выхожу на улицу тайно,
Чтоб не видеть людского света.
Летом или в зимнюю стужу,
Зачем кидаться словами -
Если Я людям нужен -
Они имя узнают сами.

* * *

Есть на свете старик
С бородой обгоревшей,
Будто с неба сошедший
Сумасшедший,
Перешедший на крик.
Среди множества книг
Он провел в одиночестве годы,
Выбирая из них
Только острое чувство свободы
От страстей и желаний своих –
Сумасшедший старик.
Он идет по Земле, не касаясь ее,
Будто ноги не желают ступать по сухой
запыленной дороге,
Словно боги его в легковесной пироге
Несут.
Сумасшедший старик.
Все смеются над ним, а понять
Не желает никто.
Он уходит от нас в бесконечно высокое небо
Я бы сам посмеялся над ним,
Если б только он не был
Так похож на меня.

ПАУК

Я паук, паутину плетуший стихов
В темноте, пожирающий вас – лопухов,
Залетевших в нее ненароком и вдруг.
Я – горбатый, коварный, жестокий паук.
Я – паук. Мне известно о каждом из вас,
Я взираю из тьмы неподвижностью глаз,
Выбирая из жизни надежную суть,
Чтоб в тепле сохранить свою головогрудь.
Я – паук. Я бессмертен и непобедим,
Я горжусь отвратительным видом своим,
Я – паук. И меня не обманешь никак.
Я из мрака пришел и отбуду во мрак.

* * *

Парю карих глаз
Вглядываюсь в сегодня,
Время мое – Сейчас.
Волею я Господней
Вроде, не подлецом
Вырос, а это значит –
Матерью и отцом
Был не напрасно зачат.

ПЛАЧ

Прошлой ночью ложась в кровать
И уже забываясь сном,
Я услышал, что стал рыдать
Кто-то жалобно за окном.

Кто там плачет и отчего,
Размышлял я, глядя во тьму,
И решил – разыщу его,
Чем смогу, помогу ему.

И пошел я из дому прочь –
Я найти его так хотел!
Но стояла глухая ночь –
Я найти его не сумел.

Два часа проплутав без сил,
Опустился я на траву,
И Господь мне глаза открыл –
Оказалось, я сам реву.

СТАНСЫ

Время тает в моей ладони,
Солнце прячется в желтой кроне,
Небо оземь кидает тени.
Скоро ночь пересилит день, и
Мрак ознобом пойдет по коже...
И, хоть силы неравны, все же
Я борюсь с наступленьем ночи –
Я боюсь ее очень...

* * *

В заколдованном кругу
Индивида –
Сорок тысяч «не могу»
Инвалида;
Но, свечою в царстве тьмы,
Голос друга:
Вместе сможем сделать мы
Шаг из круга.

* * *

Я подбираю ночь на вырост,
Которая в тяжелый час
Мои страдания не выдаст,
Моих сомнений не предаст
И не расскажет посторонним
Мои несбывшиеся сны,
И в глубине души не тронет
Сопротивление Вины.

* * *

Один стою на палубе галеры,
Бесчисленными окружен волнами,
Уж нету силы ударять веслами,
А по воде идти – не хватит веры.

* * *

Среди глупцов и бездорожья,
В большой неприбранной стране
Я родился по воле божьей,
Хотя считаю, что по недоразумению, однако,
Живя на лучшем берегу,
Обитель горечи и мрака
Забуть едва ли я смогу –
Поскольку русское раздолье
И византийской веры высь
Чужой бедой и личной болью
В моей душе переплелись.

* * *

Говорят, что забывчивость – маленький грех,
Но я сам полагаю иначе –
Мы обязаны помнить про все, обо всех –
О далеких и близких... тем паче
О себе.

* * *

Я маленький и слабый человек,
Не «конквистадор в панцире железном».
Меня страшат таинственные бездны,
Глубины неизведанные рек.
Я выходить на улицу боюсь,
А в комнате пугаюсь привидений,
Когда меня охватывает грусть,
Я прижимаю голову к коленям
И молча обретаюсь в тишине...
Но иногда, как правило, во сне
Себя я ощущаю полководцем
На гордом и горячем скакуне,
С мечом блестящим в поднятой руке
И в шлеме, серебрящемся под солнцем.

* * *

Не радуют ни вечер, ни заря,
Ни солнца свет, ни лунные объятья,
В душе укоренились якоря –
Поборники ночного восприятия.
Порою сотни раз в течение дня
Я сетую друзьям на невезучесть,
Иду вперед, наследственность кляня,
Чужие сны и собственную участь.
Мне невдомек, что истина в мозгу,
Что в нем таятся крест и воскресенье,
И потому, возможно, не могу,
А может, не хочу найти спасенье.

***

Дневник – его я не веду.
Хотя, мне кажется, дойду
До дня, когда начну вести,
Поскольку одному грести
К своей звезде всему назло
По этой жизни тяжело.
Когда-нибудь наверняка
Возьмет перо моя рука,
И скрипнет заspanный сустав,
И через крашенный состав
Душа немую пустоту
Доверит чистому листу.
И мы вдвоем пойдем пешком
С моим бумажным двойником,
И будет милость от судьбы,
И будет радость от ходьбы...
Все это будет, но пока
Стараюсь жить без дневника.

Я и Ты

* * *

В вазе на окне
Скромные цветы,
Двое в тишине –
Это я и ты.
Это ты ничья,
Это я ничей...
Ты коснись плеча
Головой своей,
Обними меня
И глаза закрой...
Были *ты и я* –
Стали – *мы с тобой*.

* * *

Давай молчать и думать о своем –
Молчание порой так много значит;
Безмолвие способствует удаче,
Не надо слов – они испортят все.
Давай молчать – нам хорошо вдвоем.
Блажен покой, связавший наши души;
Чтобы его случайно не нарушить –
Давай молчать и думать о своем.
Волшебные минуты тишины –
Они бывают нам необходимы,
Они ничем другим незаменимы,
Они таким значением полны –
Давай же помолчим, пока одни мы,
Чтобы одни и те же видеть сны.

* * *

Бери, что хочешь у меня – я все отдам.
Не пожалею ничего – ты знаешь сам.
Пусть сбережет тебя в пути моя любовь,
Пусть отведет от злой беды моя любовь,
Пусть станет пламенем свечи моя любовь,
Да сохранит тебя в ночи – моя любовь.

* * *

- Оглянись, Орфей, оглянись,
За тобой ли она идет...
- Не оглядывайся, держись,
Это демон тебя зовет!
- Оглянись, Орфей, не робей,
Посмотри на счастье свое!
- Хоть на время забудь о ней,
Если хочешь спасти ее.
- Оглянись, оглянись, Орфей!
...Посмотрел назад – никого.
- Что теперь горевать о ней,
Ты ведь сам погубил ее.

* * *

Не возвращайся. Даже не мечтай
О возвращеньи. Это бесполезно –
Пытаться зафиксированный рай
Из памяти в действительное место
Перенести. Не выйдет. Никогда
Не выходило. Даже если ближе
Был путь назад, ведь время, как вода,
Сильно необратимостью. Пойми же,
Обратный путь никем неодолим.
На практике его не существует.
Все изменилось, да и ты другим
Давно уж стал. Мелодию живую
Из порванной струны не воскресить...
Смирись – тебе вовеки там не быть!

* * *

Девочка – ангел, живой цветок,
Робкий осколок небесных сфер,
Чувствует, как равнодушный ток
Силой бездушных своих ампер
Тело терзает, чтоб на века
В память впечатался миражом
Образ пустого половика
Между кушеткой и стеллажом.
Любит, не любит – какая блажь,
Все переменится, протечет;
Солнца сияющий экипаж
Пересекает небесный свод,
В луг за нектаром спешит пчела,
Чтоб изготовить душистый мед –
Скомкай безжалостное Вчера,
Завтра надежду тебе вернет.
Девочка-радость, небесный дар –
Птица, познавшая смысл высот,
Хмурый седеющий санитар
Зла тебе больше не принесет:
Ты обернись, за твоим плечом,
Если не веришь, сама проверь,
Дева Мария стоит с ключом,
Что отворяет любую дверь.

* * *

Когда половина неба
Затянута серой мглой,
Любви от меня не требуй,
К себе не зови домой.
Когда разойдутся тучи
И сердце покинет грусть,
Я стану намного лучше
И сразу к тебе вернусь ...

* * *

Решайся скорей – не зря говорят –
Любимых не ждут,
Любимых крадут,
Любимых когтят
И нежно несут
Туда, где лежит на высоком плато
Заветная пядь,
Где счастье твое не посмеет никто,
Не сможет отнять.

* * *

Годами тянулось, мялось,
Ночами во тьме тряслось,
Хотелось, но не решалось,
А может быть – не моглось.
Когда же пропала вялость
И силы нашлись в груди –
Проехалось, опоздалось,
Развеялось по пути.

* * *

Как? Ты пришла! Тебя я долго ждал –
Всю жизнь — не знаю, мало или много,
Ты всё-таки сумела отыскать
К моей душе заросшую дорогу.
Отдал бы все, чтоб встретиться с тобой,
И, наконец, я получил награду:
Со мною ты, о светлый Ангел мой,
Со мною ты – мне бóльшего не надо.

* * *

Все будет потом – торопится не надо!
Я всем в свое время насытюсь сполна:
И спелую мякотью райского сада,
И ядом глубин, где живет сатана.
Все будет потом, и не следует биться
О дни головой, точно рыба об лед, –
Настанет пора безнадежно влюбиться
И время, когда, отойдя от забот,
Я буду оставлен последней Лаурой
И стану смотреть безнадежно и зло,
Как кутает землю снежок белокурый,
Бровями уткнувшись в пустое стекло.
Вся жизнь впереди – ни к чему торопиться,
Живу, наслаждаясь течением дня –
Еще из яйца не восстала жар-птица,
Которая сгубит сияньем меня.

* * *

Ты уезжаешь не на день, не на год.
Ты уезжаешь, я остаюсь.
Спелыми гроздьями розовых ягод
Зреет в душе безнадежная грусть.
Вызреет – будут незримые птицы
С тенью печали на призрачных лицах
Дружно слетаться на маленький куст,
Чтобы изысканной дерзостью кловов
Выразить больше, чем фраза "Люблю Вас", -
неосторожно слетевшая с уст...

27.11.99

* * *

Все плохое меж нами – да станет прошлым,
Пусть возвысится все, что казалось низким;
Я тебя не унижу сравнением пошлым,
Даже к пошлости близким.
Потому что в тебе я увидел семя
От растенья, прекраснейшего на свете,
Над которым не властны ни жизнь, ни время,
Ни пространство, ни ветер.
Пусть лишусь я всего, что сейчас имею,
Пусть останется только тепло овала,
Лишь бы ты на мгновение стать моею
Согласилась и стала.

* * *

Отражение в зеркале пахнет твоими духами,
Сохраняют тепло твоих ног половицы в прихожей.
Смотрит старый сервант отрешенно твоими глазами,
Тишина вечерами молчит твоим голосом звонким.
Подлокотники кресел, впитавшие нежность предплечий,
Не желают покорно себя подставлять посторонним,
И дрожат занавески, покрытые свежеею пылью,
И гитарные струны тоскуют о бархате пальцев.
Каждый миг в каждой вещи тобою забытого дома
Ты незримо присутствуешь запахом, отзвуком, жестом.
Будто ты отлучилась на время, совсем ненадолго,
И воротись скоро и нежно меня поцелуешь.

* * *

Развлекся решив немного
В одну из ненастных зим,
Звезда ослепила бога,
Его затуманив нимб.
Но время прошло – и вскоре
Она сорвалась с небес,
А море осталось морем
И лесом остался лес.

* * *

Прощай – это слово из букв шести –
Дорога в предел иной;
Тебя на руках не могу нести,
И ты не идешь со мной.
Ну, что ж – оставайся, пойду один
(Дорога известна мне)
Под взглядами сотен лучистых льдин
На темном небесном дне.
Не бойся, не стану судьбу бранить
И выть не начну, как волк,
Я буду спокойно шагать и жить,
Держась за ночной подол.
И золото наших с тобою дней
Не выброшу, будто медь,
И стану, наверное, чуть умней,
Разумнее стану впредь.
Прощай – это слово из букв шести-
Не истина, но ответ;
Увы, невозможно того спасти,
Чего, оказалось, нет.
Но все-таки бьется в моей душе
Тревога, что будет ночь,
Когда позовешь ты, а я уже
Тебе не смогу помочь.

* * *

Печальный август плакал облаками,
Наполненными розовой грустью,
Что низвергалась ласковым потоком
На бедра той, которой не коснуться,
Но бывшей идеалом совершенства,
Сидящим на скамейке под сиренью,
Смеющимся знамением, Богиней,
В чьем облике я находил искусство,
Стремительную гладь гипотенузы
И символ, источающий блаженство.
День уходил стремительно на Запад –
На запах денег. Ветер, как обычно
Под руку с ночью двигался с Востока,
Грозя заполнить весь мир тенями,
И только дева светлым силуэтом
На фоне угасающего неба
Светилась, как церковная лампада,
И согревала зрение и душу.

* * *

Пора оставить порванную нить,
Собраться потихоньку – и в дорогу.
Теперь зима. И вместе нам не быть.
И хорошо. Спасибо. Слава Богу.
Тебя я забываю понемногу,
Хотя, конечно, полностью забыть
Не позволяет гордость, может быть,
А может, и безумие. Лишь Богу
Известно это точно, но не мне.
Теперь все реже вижу я во сне
Твои черты... И все же вспоминаю
Минуты, проведенные с тобой,
Когда в груди звучал волшебный бой,
И райскою казалась жизнь земная.

* * *

Когда угодно было бы судьбе
Свести в Москве нас вместе в день погожий
В одном из переулков, на тебе
В толпе разнокалиберных прохожих
Отягощенный скучным бытием
Мой взгляд остановился бы едва ли,
Тем более что в облике твоём
Отсутствуют кричащие детали.
Но здесь в тумане Лондона черты
Приобретают новое значение,
Доселе неизвестное, и ты
Сумела при достойном освещении
Мгновенно распуститься, как цветок,
И мимо я пройти уже не мог...

* * *

Ты что-то погрузнела, и тотчас
Среди весны повеяло зимою,
И в вышине небесной свет погас,
И музыка сменилась тишиною.
Но вскоре наваждение прошло,
Все в мире на свои места вернулось.
«Не знаю, что-то на меня нашло» –
Мне прошептала ты и улыбнулась.

* * *

Давай поговорим о молоке,
О твороге, о сыре адыгейском,
О нежных глазированных сырках,
О йогуртах с различной начинкой,
О жирности сметаны и снежка,
Вреде и пользе бифидобактерий,
О методах лечения кумысом
И трудности лактации у женщин.
И, тему исчерпав для разговора,
Но не придя к взаимному согласью,
Усталость губ сотрем сухой ладонью,
Погасим свет и молча спать пойдем.

СОНЕТ

Я вижу целый мир в твоих глазах:
Леса и реки, горы и долины,
На северном и южном полюсах
Огромные дрейфующие льдины,
Ведомые неведомо куда
Порывами стремительного ветра,
Бесчисленные села, города,
Идущие на много километров
Пустыни и цветущие сады,
Вечерние стоянки бедуинов,
Трактиры и торговые ряды
И древности заросшие руины.
Я вижу целый мир в глазах твоих –
Давай его поделим на двоих!

* * *

Давай держаться друг за друга
Не для чего-то, просто так;
Не оттого, что стало туго,
Давай держаться друг за друга
Не от любви, не от испуга,
Не оттого, что вечен мрак,
Давай держаться друг за друга
Не для чего-то - просто так.

* * *

Алчность минут душист свободу,
Аисты пьют черную воду
Прошлых надежд – будущих болей,
Серость одежд выцветшей моли
Сводит с ума, эхо – безлико,
Треплет зима ткань сердолика.

Здесь жить нельзя...

Опять фонарь, опять аптека
И затуманенная даль.
Все так же, как в начале века,
Плывет по улицам печаль,
Но только стал чернее вечер,
И все страшнее неба хмарь,
Сильнее давят мне на плечи
Аптека, улица, фонарь.

* * *

Здесь жить нельзя,
Но мы живем.
Здесь петь нельзя,
Но мы поем.
Здесь в царстве холода
И тьмы
Нельзя любить,
Но любим мы.
Растим детей
И пьем вино
И сквозь
Чердачное окно
Глядим на звезды,
Где живут
Не так, как тут.

* * *

Если Старый век мы не проводим –
Все равно он в полночь нас покинет:
Соберет нехитрые пожитки
И навек уйдет в небытие.
Если мы не встретим Новый век,
Он переночует на вокзале
И уедет первой электричкой
В более радужные места.
Мы же будем вынуждены вечно
Маяться в безвременьи великом
Без надежды даже самой малой –
В пустоте меж Завтра и Вчера...

* * *

На другом краю света, почти в иной
Вселенной страна есть одна, в которой,
Начинаясь с яичницы с ветчиной,
День никогда не замкнется ссорой.
В этой стране люди чтят закон –
Все от кухарок до королевы,
Любят собак, лошадей, ворон
Больше людей и гордятся лево-
сторонним движением, на холме
Там стоит статуя Питера Пэна.
В ней не дают разойтись зиме
Гольфстрим и удары Большого Бена.
Эта страна создала язык,
Ставший родным половине мира.
Колыбель сотен любимых книг,
Родина Ньютона и Шекспира
Вечно притягивала к себе
Взоры романтиков и поэтов,
Часто играя в чужой судьбе
Роль дающего веру света
В конце туннеля, и если мне,
Невеликому существу, и
Доведется в той побывать стране,
Если она вообще существует,
Я, сбежав от ночного сна,
Выйду утром на берег Темзы,
Улыбнусь ей, и мне она
Я надеюсь, ответит тем же.

* * *

В скульптуры заточенные вожди
На площадях ютятся одиноко,
Среди людского шумного потока
Стоят без веры в каменной груди.
По приговору Высшего судьи
Они за жизнь наказаны жестоко –
И каждый год на протяжении срока
Зимой – метели, осенью – дожди
Должны стегать безжалостно их лица,
На головы им будут гадить птицы,
Туристы будут пальцами на них
Показывать бессовестно – они же
Должны стоять травы невзрачной тише,
Завидуя слабейшим из живых.

* * *

Чтобы жизнь не портили печали,
Память забросали кирпичами
А потом за город отвезли,
Где ее истерзанное тело,
Чтоб оно воскреснуть не сумело,
Забросали комьями земли.
Поначалу так оно и было:
Ничего не екало, не ныло,
Не скребло, ворочаясь в груди.
Но потом в единое мгновенье
Все вернулось, будто наважденье,
Тысячей безликих Эвридик,
Сотней душ, тобою не спасенных,
Темной Летой в Тартар унесенных,
Ужасом ночного миража.
Думали – убили, не воскреснет,
Но она вернулась с жаждой мести –
Острая, как лезвие ножа.

* * *

Ночью все кошки серы,
Утром все волки сыты.
В куполе атмосферы
Все мы в единый слиты
Мир неживой природы.
Датам служба безликим,
В ночь ушльывают годы,
Чтобы вернуться криком.

* * *

Человека, что пешку,
На доске бытия,
Постоянная спешка
Убивает, шутя.
То одно, то другое,
Как круги по воде,
Никакого покоя
Никогда и нигде.

ВЕЧЕРОМ В ЦЕНТРЕ ГОРОДА

Вечер. Центр города. Пивные ларьки
Отбрасывают слабый свет.
В грязной шапке-ушанке, в бабьей шубе,
Низко опустив голову, идет бомж.
В стороне разговаривают двое парней.
Крепкий мат режет слух. Бедные, исключи
Они его из своей речи, им нечем
Будет говорить. Посреди улицы танцует
Пьяная женщина. Ее обходят редкие
Прохожие. С неба сыплет липкий снег.
Грязь, мрак. Подошел троллейбус.
Спасибо, Господи, что можно уехать!

* * *

В нетопленной стране
Укутанные в шубы
Спят дети и во сне
Играют на песке,
И нежную волну,
Шутя, целуют в губы,
И бронзовый закат
Сжимают в кулаке.
В нетопленной стране.
Где пасмурно и сыро,
Где ходики мертвы
И холодильник пуст,
Спят дети, и тепло
Неведомого мира
Завянуть не дает
Букету светлых чувств.

* * *

Статична жизнь. Ее не изменить.
Поэтому при красных ли, при белых
Бездомному по улицам бродить,
Убитому в ночи убитым быть,
Любимому любимую любить
Во времена во все, во всех пределах.

* * *

Плоть золотая яблоком спелым
Падает оземь,
Красная рана в воздухе белом,
Темная озимь,
Синяя слава в серости ночи,
Черное слово,
В зыбком провале памяти почерк
Тенью былого.

* * *

Вижу в последние дни все чаще
Призрак стареющей Немадонны –
Матери, чадо свое кормящей
Млеком отравленным белладонны.
Вижу сухое лицо младенца –
Тонкое, будто пергамент, с черным
Взглядом, таящим в себе Освенцим –
Сонмище трупов, укрытых дерном.
То, что ушло, – не вернется. Нынче
Время другое, другие лица;
Кисть современного не да Винчи
Живописует детоубийцу.

* * *

Удаляется век нагловатой походкой,
Покуражась сполна в вихре вверенных лет,
Голосит тишина окровавленной глоткой,
Белым саваном снег покрывает скелет
Обнаженной земли по-кладбищенски кроткой,
Будто маленький агнец, ведомый к отцу.
Удаляется век нагловатой походкой,
Как палач, отработавший смену свою.

* * *

Настоящее настоящее,
Не стоящее на пути,
Не грозящее, не просящее –
Подходящее настоящее
Я хочу для себя найти.
Не грядущее, не прошедшее,
Не идущее, не ушедшее
Отыскать для себя хочу –
Говорят – я желаю многого,
Не дано человеку – Богово,
А я все же ищу, ищу...

* * *

Как смешно – Сегодня
Завтра станет – Вчера.
Настоящее прошлым
Обернется с утра,
И Сегодня ушедшее
Скиснет, как молоко, –
От него будет можно
Отказаться легко.

* * *

Над огнем наклоняясь вечным,
Я не лица убитых вижу –
Только тех, кто пришли убитыми,
Нахлебавшись кровавой жижи,
С еще теплой войны. С пустыми
Пепелищами глаз. С культями
Отмороженных душ. Чужими.
Чтоб волками бродить меж нами.

* * *

Заветные младенческие грезы
Погребены под тяжестью забот,
Недвижные иссохшие березы
Взирают равнодушно на завод,
Который на последнем издыханьи
Еще дымит единственной трубой,
К которой я нелепым изваяньем
Пришпилен равнодушною судьбой.
Повсюду мрак и признак запустенья,
Ни мертвых не увидишь, ни живых,
И только зачарованные тени
В незримых одеяниях своих,
Безумье галактическое множа,
Седые дни бросают на весы.
Ничто на целом свете не тревожит
Безмолвный ужас средней полосы.

Сны

Я шел извилистым и длинным коридором
В крошечной тьме, одной рукой держась
За каменную кладку стен, чтоб не упасть
На пол холодный, в темноте споткнувшись.
Был душен воздух, пустота давила
На плечи, сумрак звук шагов гасил –
Я продолжал свой путь к незримой цели,
Преследуемый страхом и сомнением.
Но вдруг увидел я за поворотом
Неясный отблеск где-то вдалеке,
Ускорил шаг и вскоре оказался
На маленькой площадке, озаренной
Неярким светом факелов горящих.
Исчезли стены. Влево уходила
Крутая лестница, теряясь в поднебесье,
А впереди, казалось, был обрыв.
Я сделал шаг вперед, вниз посмотрел,
И в ужасе отпрянул – там был ад:
И стоны грешников, и возгласы чертей
Слились в один ужасный вой – о Боже,
Спаси меня! Вдруг кто-то осторожно
Меня за локоть взял и к лестнице подвел,
И голос мне сказал: тебе наверх,
Я обернулся – никого за мною...
И стал я медленно по лестнице взбираться,
А свет все ярче, воздух все приятней,
И, наконец, в сиянии небесном
У двери затворенной очутился.
Несмело приоткрыв ее, увидел,
Как в анфиладе светлых дивных комнат
Фигуры белые светильники держали,
Фонтаны били, птицы сладко пели,
А за окном был виден чудный сад.

И, красотой этой очарован,
Не мог пошевелиться я и тихо
Стоял на месте, словно изваянье.
Вдруг голос зазвучал глубокий низкий:
«Стоишь сейчас на высшем ты суде:
Твоя душа отправится в мой сад,
Где все святые в счастье пребывают,
Иль в ад – его уже ты видел», –
И продолжал: «Твои дела известны,
Но ты еще так мало в жизни сделал,
Что сейчас
Я не могу ввести тебя в мой сад
Иль сбросить в ад. ... Живи еще,
Прощай!..»
И я проснулся...

* * *

Багровый полдень сушит мозг
И душу жжет.
Неколебимо, как колосс,
Он просто ждет –
Когда опустится рука
И, не спеша,
Начнет свой путь за облака
Его душа.
Все совершилось. Палачи
Спешат домой,
И только женщина кричит –
«Он мой! Он мой!»
Как будто криком воротить
Его вольна.
Натянут воздух, словно нить.
Блестит луна...

* * *

Волчьи ягоды – волку,
Землянику – медведю,
За широкою Волгой
Бродят аз, буки, веди,
Ходят добрые люди
С не черствеющим хлебом
И надеждой на чудо
Под рождественским небом.

* * *

Толстокожие носороги –
Это боги
В земном обличьи.
Не пытайся постичь их –
Не сможешь –
Только собственный сан
Низложишь –
И поднимешься дымом к небу.

* * *

Безумные люди бездумно веками
Грозили тому,
Кто дышит закатом, пускает цунами,
Приводит чуму
На бедную Землю... И рушились стены,
Пылали дома.
А где-то вверху в середине вселенной,
Где сходится тьма –
Дракон отрешенно тремя головами
Осматривал мир,
Бессильно грозящий ему булавами
И блеском секир.

* * *

Когда-нибудь я просто растворюсь,
Как тишина в предутреннем тумане,
Как в тихом вальсе солнечная грусть,
Как рафинад в наполненном стакане.
Сначала мой исчезнет силуэт,
Потом моей мелодии не станет,
Последней, покидая этот свет,
Моя улыбка в воздухе растает.

***

Город стоит на вершине холма,
А под холмом растекается тьма –
Черные тени из черных глубин,
Где верховодит ночной господин,
Вместе собравшись в единую рать,
Город надумали приступом брать.

Солнечный город, в котором живут
Светлые люди, что песни поют,
Пишут картины, слагают стихи,
Кормят веселых павлинов с руки
В тихом блаженстве, не ведая зла,
В облаке света, любви и тепла.

Но, несмотря на всеилъе добра,
Город не будет таким, как вчера –
Часа не минет и дня не пройдет,
Черная немочь дорогу найдет
В розовый город над юной землей
И, затянувшись на горле петлей,
Мигом задушит светлые души,
И равновесье земное нарушит.

* * *

Заполненный водою грот
Походит на огромный рот,
В котором сотни мелких рыб
Найти спасение могли б
От хитрых и ужасно злых
Зубастых родичей своих.
Но он, к несчастью, не живой,
Заполнен мертвою водой,
В которой даже пузыри
Не размножаются внутри.
И лишь безжизненный гранит
Со дна задумчиво глядит.

* * *

Ты прав, Грюнбайн, все было: Мерседес –
Бездушный исполнитель приговора,
На скорости вонзившийся в опору
Моста, сухая пепельность небес,
Бесмысленность и обреченность, без-
жизненность лица с пустым укором,
Задержка непредвиденная «скорой»
И фотокамер щелкающих треск.
Но было и другое – тишина,
Стоящая в почетном карауле
В заполненном людьми пространстве улиц,
И черных птиц косые письма,
Летящие от Тауэра прочь,
И королева – темная, как ночь...

* * *

Стоит каштан у входа во дворец,
В котором обезумевший жилец
Седьмую ночь покоя не найдет –
Все ходит, ходит, ходит взад-вперед:
Сыноубийца твердою рукой
Чужую жизнь и собственный покой,
В момент отнявший – мучим пустотой
И скрипом половицы под пятой
В пространстве полутемном анфилад.
А за окном шумит пустынный сад,
Ограда из литого чугуна,
Большая равнодушная луна
И Тот, кто тихим шелестом ночным
Границу меж небесным и земным
Проводит деловито, не спеша,
Безгрешная зеленая душа –
Седой каштан – мистический мудрец,
Он видит драматический конец –
Кончину безутешного отца
И запустенье мертвого дворца.

* * *

Седьмую ночь – один и тот же сон:
Со всех сторон безмолвьем окружен,
Стою на перекрестке ста дорог,
У ног моих погасший костерок,
Над головою полная луна
И тишина.
И никого на много сотен миль,
И в голове и в сердце полный штиль,
Ни мыслей нет, ни чувств – одна тоска,
Что душу не спускает с поводка.
И я не в силах выбор совершить –
Рву жизни нить...

* * *

Когда серебряные струи
На землю падают, звеня,
Воображение рисует
Рояль, похожий на коня.
И наяву я слышу звуки,
Они с собой меня зовут,
Печально-женственные руки
По белым клавишам бегут.
Мелодия несется вдаль
Колечками аккордных лент,
Поет взволнованный рояль
Под ливня аккомпанемент.

* * *

Встать утром и отправиться за город
К нетронутой зеленой сердцевине,
И целый день лежать в траве душистой,
На облака фигурные взирая.
А вечером со звездами любоваться
Поочередно, наполняясь светом,
И, отпустив использованный ветер,
Заняться словоблудием с луною.
Вот это жизнь, все остальное – мнимость.

* * *

Умирая, не слышат слов
И не помнят былых обид,
Умирая, не видят снов –
Только близость могильных плит.
Умирая, желаний взвесь
Доверяют стенным часам –
Чтоб без страха покинуть Здесь
И без боли остаться Там.

* * *

Жизнь выпита без остатка,
И только в анналах дна
Оставлены для порядка
Две капли ее вина.
Поскольку сухая память
О жизни не так свежа –
Ее не собрать губами,
От ненависти дрожа.

* * *

Жизнь вышла из намеченного русла –
Светили звезды призрачно и тускло,
С востока дул безжалостный сирокко
Луна смотрела вниз багровым оком.

Земное и небесное пространство,
Лишенное навеки постоянства,
Качалось в одиночестве вселенной,
И сам Господь коленопреклоненный

Смотрел на мир, им созданный когда-то
В обильной дельте Тигра и Евфрата,
Но волей человека развращенный
И в жалкие обломки превращенный.

Дышала ночь теплом потусторонним,
И сам себе казался посторонним
Любой предмет способный к воплощению.
Температура, влажность, освещение –

Все вызывало чувство раздраженья.
Статичность и особенно движение
В трехмерно-наносных координатах
Вели к вражде абсциссы с ординатой

И даже выпадению из ряда.
Машины, люди, звери, птицы, гады,
В одной цепочке двигаясь по кругу,
Терзали какофонией округу.

А между ними собственной расой
Клубился страх коричневой массой.
И ночь была. И было до рассвета,
Как в декабре до солнечного лета.

* * *

Любое насекомое таит
Для человека скрытую угрозу.
И даже безобидные на вид
Солдатики, капустницы, стрекозы
Хранят в себе черты ароморфоза,
Которые не знает неолит.
Они мудрее многих на Земле.
Наполненные жертвенною кровью,
Они способны зреть в кромешной тьме
И, подчинив себе беспрекословно,
Заставить все живое поголовно
Поверить в безнадежность перемен.
Им введима механика минут
И тайные законы мирозданья,
Они за развлечение сочтут
Проникновенье в ваше подсознанье –
Коварные жестокие созданья,
Что горести несметные несут.
Есть нечто в их фасетчатых глазах
А также под хитиновым покровом,
Вселяющее суеверный страх,
Терзающее душащим ознобом,
Надежду отнимающее, словом,
Насильно уводящее во мрак.
И потому остерегайтесь их,
Не навещайте даже и тайком их!
Предупредите всех своих родных,
Друзей оповестите и знакомых –
Нет ничего страшнее насекомых
В когорте обитателей земных!

* * *

Шепот акации, хруст мацы,
Лица прохожих идущих мимо.
Только пустынные мудрецы
Ведают тайны Иерусалима.
Только они на исходе дня
Собственных страхов и слез не пряча,
Тайнопись мира стремясь понять,
Смотрят часами на стену плача.
Лица их явно напряжены,
Двигутся мерно сухие губы,
Чувствуя тяжесть своей вины,
Свет повсеместно идет на убыль.
Голос серебряный без труда
Сложную очень выводит тему,
В небе полночном горит звезда.
Двигается медленно к Вифлеему.

* * *

(По И. Бродскому)

Что-то огромное, будто поле
В Венгрии, длинное, как река
Под присмотром холодной боли
Глаз, свисающих с потолка,
Как умляют невыразимый.
Эхо, терзающее пейзаж.
Ангел, влекомый толпой помимо
Воли к Освенциму распродаж.
Крик воробья заглушает камень.
Пристань сулит вдогон комару
Встречу с неведомыми стенами
Сонной гостиницы. Чем в жару
Дальше уходишь, тем меньше местность
Интересует. Слепой колосс
Айсберга сетует на известность,
Плавится и формирует мозг.

* * *

Посреди песка и
Камней
Бродит грешный Каин,
Верней,
Не прощенный мечется
Дух,
Отверженьем лечится
Вслух.
А в лазурной выси
Над ним
Золотистый высится
Нимб,
Освещенный солнцем,
Луной
И его бессонной
Виной.

* * *

Легко, уверенно и зримо,
Пожав плоды былых страстей,
Идут потоком дети Рима
От побежденных крепостей.
Шумят походные колонны
И дышат потом и теплом,
Где каждый пеший, каждый конный
Озолочен великим злом.
Над ними ветер разрушений,
За ними пленные рабы.
Они наперсники свершений
И повелители судьбы.
Они бесстрашием хранимы,
Для вечной славы рождены –
Они еще непобедимы,
Они уже побеждены.

* * *

Приходишь в дом, а в доме никого:
Ни дочери, ни сына, ни подруги –
И только стены водят хоровод,
И тишина играет буги-вуги.
И поневоле старые мечты,
Которым суждено не воплотиться,
Ты призываешь в мир из пустоты,
Пытаясь человеческие лица
Из старых фотографий и газет
Извлечь, но говорящие руины
Не в силах разбудить угасший свет,
Лишь ночь раздуть, и то наполовину.

* * *

Есть высоко под самым небом
На грани вечности высокой
Неопороченная башня,
В которой истина сияет,
Давно подаренная людям,-
Огонь, добытый Прометеем.
Ведет к ней лестница крутая,
В существование которой
Немногим верится. Однако,
Она реально существует
И не зависит от суждений
Непосвященных посторонних.
Ее высокие ступени -
Этапы миропониманья,
Их невозможно перепрыгнуть
Одним прыжком неоднозначным -
Им можно только подчиниться
И постепенно, шаг за шагом,
Идти к светящейся вершине,
Не помышляя о привале.
И лишь дойдя до середины
Пути, ведущего на небо,
Ты ощущаешь принадлежность
К великой тайне, что таится
Во глубине вселенской сути...
И просветленья достигаешь.

* * *

Есть мир предельной перспективы,
Где удивительное время
Течет в обратном направлении,
Меня образы и смыслы.
В том мире, явно не похожем
На наш, чудесные события
Проистекают повсеместно,
Непринужденно и неспешно:
В нем ночь кончается закатом,
Который движется к рассвету
По лону дня, минуя полдень,
Пока ведомое востоком
Живое огненное солнце
За горизонтом не исчезнет.
При извержении вулканов
Там лава вверх ползет по склону,
Скрываясь в жерле огнеликом.
Там переваренная пища,
Консолидируясь в желудке,
Находит путь по пищеводу
Ко рту и целыми кусками
Выходит в мир, преображаясь
В стада и спелые колосья.
Там боги небо покидают
И в человеческом обличи
Живут, пока не превратятся
В доисторических животных.
Тот мир легко и неизменно
Идет во мрак первомолекул,
Где сущность Бога обитает...

* * *

Купол небесный покрыт позолотой,
Бархатом вышит земной горизонт,
Только внизу – пустыри да болота,
Год високосный и мертвый сезон.
Рыщут по воздуху райские птицы,
Сочные зерна клюют на лету,
Люди друг другу несут небылицы,
Чтобы совсем не уйти в пустоту.
Где ты предел понимания мира?
Чей этим летом наступит черед?
Новый к младенцам пожелует Ирод,
Новый Спаситель на небо уйдет.

Когда-нибудь весна придет...

Серебряный вечер. Божественный снег.
Гирлянды огней.
На смену уставшему будущий век
Подходит, верней,
Стремительно близится. Сколько даров
Он нам принесет?
Пока эти тайны скрывает покров;
Пока Новый год,
Душа наслаждается светом друзей,
А губы – вином,
И хочется верить в гармонию дней
В столетьи ином.

* * *

Незримым и таинственным эфиром
Морозный воздух висит над миром.

Улыбкой хитроумною японца
Сквозь полог туч проглядывает солнце.

День, переживший собственную убыль,
Целует иву, плачущую, в губы.

В земной коре сокрытая надежда
Готовит травам летние одежды.

* * *

Кончился март, начался апрель,
Путает мысли вчерашний хмель,
В воздухе мерно звенит капель,
Птицы поют негромко.
В мире еще не совсем весна,
Но перемена уже ясна –
Жизнь пробуждается ото сна
После февральской ломки.

* * *

Невесомый, неброский, прозрачно-простой,
Покрывающий мир неземной чистотой
Свежий снег искупает любые грехи,
Даже те, что уже превратились в стихи.
Потому что своей белизной не кичась,
Он себе позволяет спокойно упасть
На холодный колючий пустой тротуар,
Как божественный всеискупающий дар.

* * *

Когда-нибудь весна придет
И, вероятно,
В пейзаж безжизненный внесет
Живые пятна,
Добавит зелени в луга,
В озера – сини,
И, дня раздвинув берега,
Оденет в мини
Красивых женщин, и тогда
На всей планете
Начнется таяние льда,
А вслед за этим
Наденет благостный подзол
Камзол парадный,
И сложит лапки богомол
Некровожадный,
И просияет из-за туч
Лицо удачи
Для всех, кто в жизни невезуч
И незадачлив.

* * *

Все мелькают быстрее огни
За окном моего вагона,
Все стремительней тают дни,
Мне положенные в ладони;
В белых шубах стоят дома,
В белых валенках спят деревья –
Наступила опять зима,
И опять не пришло спасенье.

* * *

Крым. Серебристый закат
Гаснет в прибрежном песке,
Южных цветов аромат
Бродит в вечерней тоске,
Ластится море к руке,
Пена шуршит в кулаке.
Чайки протяжно кричат
Что-то друг другу сквозь тьму,
Тих ботанический сад –
Все безразлично ему;
Грустно стоять одному
Даже у моря в Крыму.

Этюд

Держа открытым томик Блока
В руке, внимая звукам слов,
Я ждал трамвая. Издалека
Печальный звон колоколов
Волнообразно доносился,
Как будто в небе плакал Бог.
И белый снег на землю лился
И тихо таял между строк.

* * *

Шумят березы, клены, липы –
Стремятся в солнечную высь;
А ведь и мы вполне могли бы,
Когда б на свете родились
Не в человеческом обличи,
Как и они стоять, шуметь,
И в перламутровом величи
На человечество смотреть.

* * *

Залита туманом площадь
До макушек фонарей,
В луже перышки полощут
Два десятка сизарей.
И кому-то дом кирпичный
Улыбается во сне –
Все спокойно, все привычно
В предрассветной тишине.
На востоке перламутром
Запрягают экипаж,
Через час прибудет утро,
И изменится пейзаж.
Набегут на площадь люди,
И начнется беготня,
Но пока ничто не будит
Новорожденного дня.

ОСЕННИЙ ДЕНЬ

Стало холодно, и листья пожелтели –
Вот и осень незаметно наступила;
Из нагретой за ночь тепленькой постели
На рассвете вылезаете через силу.
Наспех ешь и вырываешься наружу
Под прохладную струящуюся воду,
И бежишь, скача, как страус, через лужи,
Костеря непоправимую погоду,
На трамвай, и всю дорогу у кого-то
На коленях ошиваешься у двери.
(Кто хоть раз в трамвае ехал на работу,
Тот поймет страдания эти, я уверен).
Поработав, посеревший и усталый,
Возвращаешься в родимые пенаты,
Словно градусник, держа под мышкой халу
И кефир неся в котомке полосатой.
После ужина и телесериала,
Подтянувшись пару раз на стенке шведской,
Залезаешь, наконец, под одеяло,
Забываясь ненадолго сном мертвецким,
Чтоб наутро, вылезая из постели,
Размышлять в холодной комнате уныло:
Для чего так скоро листья пожелтели,
Почему так быстро осень наступила.

14.09.96

СИРЕНЬ

Безумным блеском непокорным
Холодной серости оград
Сирень на кладбище Нагорном
Горит, взирая на закат.
Но с укоризной смотрят сосны
Из запыленной темноты –
С их точки зрения несносны
Ее горящие цветы.

* * *

Церковь в полночной дреме.
Образ старинной фрески.
В темном дверном проеме
Исповедь занавески.
Шепот икон и запах
Ладана в одиноком
Мире. Конец этапа.
Связь бытия с истоком.

* * *

Весь день шел дождь с рассвета дотемна,
Как будто воротились времена
Великого всемирного потопа.
Погасло солнце, сгнула луна –
Сплошная непроглядная стена
Струящегося водного потока
Терзала романтическое око.

Настала ночь, а дождь все лил и лил
И сердце одиночеством томил,
И душу безнадежностью тревожил.
И не было ни времени, ни сил
Бороться с тем, кто город опустил
В тоскливое предчувствие – оно же
Волненье, доходящее до дрожи.

Однако утром – только рассвело,
Как чудо на земле произошло –
Раздвинулись небесные пределы,
И стало неожиданно тепло –
И солнце благодатью снизошло
На мокрое исхлестанное тело
Природы, что от радости запела.

* * *

Улица, став катком,
Повод дает прохожим
Поразмышлять, в каком
Месте им станет ложем
Каменный тротуар.
Сосредоточив лица,
Слыша сухое "кар"
Старой и мудрой птицы,
Люди, чтоб не упасть,
Держатся за перила,
Хором клянут напасть
И экономят силы
Перед лихим броском
Через пустую площадь
В место, куда с песком
Дворником был заброшен
Твердый кусок Земли
В виде пустого злака,
Счастливы, кто смогли
Встретить его. Однако,
Минет короткий срок –
День ли, неделя, месяц –
Снова жестокий рок
В том или новом месте
(Разницы нет) сведет
Истиной самосуда
Жертву и гололед –
И не случится чуда...

* * *

Из лета в осень несется поезд,
Стучат колеса, считая дни;
В окне вагона мелькают, то есть
Прносятся мимо, дома, огни,
Машины, люди, сырая просинь
Пустого неба, лесная жуть –
Несется поезд из лета в осень,
Гудком печальным пронзая грудь.

* * *

Осенний вечер темен и суров,
Как мысли завсегдаев пивной,
В зловещем царстве улиц и дворов
Хозяйничает ветер продувной.
На небе из- за туч не видно звезд,
Внизу из-под зонтов не встретишь лиц,
Грустят десятки опустевших гнезд
О сотнях эмигрировавших птиц.
Деревья прижимаются к земле,
Пытаясь сохранить свое тепло,
Качается пространство, как желе;
И воздуха толченное стекло
С немалым выдыхается трудом
Из скованной сомнением груди,
И сердце замирает подо льдом
Немыслимой тоски, а впереди –
Сводящая безмолвием с ума,
Пугающая призраком цинги
Бескрайняя холодная зима –
Шесть месяцев безжалостной пурги...

* * *

Еще последнею листвою
Октябрь цепляется за сучья,
Еще просветы в черных тучах
Хранят кусочки голубой,
Не по-осеннему живой,
Материи, еще паучья
Всепоглощающая сущность
Зимы поверхности земной
Не омертвила, в саван белый
Одев деревни и поля,
Еще в сознаньи тополя,
Однако сумрак омертвелый
Уже вступил в свои права –
Его в короне голова.

* * *

Когда на улице весна
И волны свежего эфира,
Стихам становится тесна
Высоколобая квартира.
И чужд мыслительный уют,
И, чтобы вырваться наружу,
Они покоя не дают
Уму, терзают плоть и душу,
И заставляют сесть к столу
Неповоротливое тело,
И в мысли обращают слух,
И принимаются умело
Водить рукою по листу,
Его невинность попирая,
Пока в тиши не прорастут
Соцветья писаного рая.

* * *

Как после ливня воздух свеж,
Как непривычно аппетитен,
Что хоть бери его и ешь
Или придумывай эпитет.
А хочешь – просто между луж
Броди, пока не надоело,
Потомком миллионов душ,
Навеки разлученных с телом.

***

Пустынный парк печали полон.
Листву, ведомую в полон
Упорным ветром, старый ворон
С верхушек поредевших крон
Неторопливо провожает.
Кричат картова топоры.
И даже небо отражает
Гримасы мертвенной поры.

***

Слезы пронзительным ветром не вытеретьь.
Лошадь в калошах и ношеном свитере
Мелко дрожит, потому что зимой
Зябко и голодно в городе Питере
Всем, кто хотя бы немного живой.
Теплая сытость сегодня не дешева.
Милая лошадь, родная, хорошая,
Чем в непогоду укрою тебя?
Вечер грозит затяжною порошею.
Ночь наступает, тревожно трубя.

***

Сентябрьский вечер пуст и мглист,
Теплом пытается разжиться,
Кленовый многоцветный лист
Устало под ноги ложится
Промокшим путникам. Везде
Царит немое увяданье.
Природа, отойдя от дел,
С зимой готовится к свиданью.

***

Запах хвои и вкус мандарина,
Мириады веселых огней
Освещают сухую долину
Наших, в общем, не сказочных дней.
И поэтому люди повсюду
Продолжают и ныне, как встарь,
Уповать на рождение чуда
В тишине с декабря на январь.

Об искусстве

За мною ходят по пятам
Судом ушедших поколений
Замысловатый Мандельштам
И очарованный Есенин.
Любую исповедь мою
Они оценивают строго,
Не придираясь к словарю,
Издержкам ритмики и слога,
Не критикуя свысока,
А осторожно наблюдая
Со стороны, издалека,
Оценку тихую давая
Словам, дефисам, запятым
Одним присутствием своим.

* * *

Поэты- чужое племя
На этой простой земле.
Над ними не властно время.
В течение многих лет
Блуждают они в потемках,
Надеясь увидеть свет,
Стремясь передать потомкам
Надежду, которой нет.
Накопленную усталость
Они обращают в медь;
К ним редко приходит старость,
Значительно чаще смерть.

НА СМЕРТЬ БРОДСКОГО

Мне страшно. С каждой неделей
Все ненасытнее тревога,
Все переменчивее цели
И все опаснее дорога,
И нашей жизни окаянной
Все неразборчивей наброски.
И перспективы все туманней...
И умер Бродский...

* * *

И. Бродскому

Шумит река в гранитной колыбели,
Смывает бриз задумчивость с лица,
Разгуливают рифмы по панели
Загадочного Зимнего дворца.
И в тишине обыденного ритма,
В пространстве неожиданно пустом
По воздуху несется, как молитва,
Короткое известие о том,
Что, победив невысказанность боли,
Завоевав земные города,
Печальный дож в сияющей гондоле
Прощается с землею навсегда.

* * *

Чем выше к вершине,
Тем ветер сильнее,
Привалы короче,
Подъемы трудней,
Морознее воздух,
Беднее земля,
Отчетливо слезней
Вселенское ля.
Внизу на равнине,
На твердой земле
Мерцанье в камине,
Еда на столе,
А здесь в поднебесье
Всю ночь до утра –
Походные песни
Да горечь костра.
Но, веруя в небо,
Где свет и тепло,
Мы всем своим бедам
И страхам назло –
Как встарь, так и ныне,
И ночью, и днем
К заветной вершине
Идем и идем.

* * *

Я не сплю. Четыре ночи.
Сумрак холоден и хмур.
Красным светом кровотоцит
Обожженный абажур.
Занавеска цвета моли
Чуть касается плеча,
Звук безмолвием неволит
Тень скрипичного ключа.
Непривычно и зловеще,
Будто тати, из углов
На меня взирают вещи
Продолженьем страшных снов.
Но движеньем мысли ловким
По совету Высших сфер –
Неприглядность обстановки
И несбыточность химер
За единое мгновение
Изменяю. И среда
Перед вспышкой откровенья,
Снизошедшего сюда,
В эту тесную квартиру,
Замирает. Волшебством
Принесенный запах мирры
Тает в воздухе пустом.
И душа, как до рожденья,
Непорочна и чиста,
Принимает снисхожденье
До поверхности листа.
И десятки новых строчек
Благозвучны и легки
Возникают между прочих
Мановением руки.
Так порою предрассветной,

В тишине ночных минут
Я свершаю незаметно
Незнакомый многим труд.
Волей разума и чувства
С ритмом сердца в унисон
В жертву чистому искусству
Принося здоровый сон,
Одинокий и свободный,
Не ведущий счет часам,
Я творю себе угодный
И не чуждый небесам.

* * *

Ночное небо – словно темный
Аметист,
На гладь столешницы вольготно
Ложится лист,
Чуть от волнения дрожит
Перо в руке.
Тень от светильника лежит
На потолке,
Шум улицы унесся прочь,
И ветер стих,
В соавторстве поэт и ночь
Рождают стих.

* * *

Пока спокойно сердце бьется,
Дыханьем не волнуя грудь,
Не пишется и не поется
Ничуть.

Поэзия отнюдь не норма.
Она рождается из шторма.
Из буйства внутренних стихий
Идут стихи.

ОБ ИСКУССТВЕ

Чистый холст, может быть, лучшее живописное
полотно –
Каждый увидит на нем свою картину.
Тишина – непревзойденное музыкальное
произведение –
В ней каждый слышит свою музыку.

* * *

Есть время жить и время умирать,
Писать стихи и расставаться с ними,
Свою тоску по капле собирать,
Делить ее без жалости с другими.
Всему свой час положен под луной,
Любому воплощенному предмету.
И в этом суть стабильности земной
И смысл существования поэта.

* * *

Белая туника, черный силуэт –
До свиданья, Ника, маленький поэт,
Ставший абсолютом в королевстве слов.
На морозе лютом не нашедши кров,
Ты ушла без крика, одолев испуг.
До свиданья, Ника!
С днем рожденья, друг!

17.12.2002

* * *

Он выбирал из множества имен,
Затерянных в язычестве времен,
Прозрачных и таинственных – одно,
Что было для него припасено.
Который год все ночи напролет
Он чувствовал невысказанный гнет,
И потому, себя лишая сна,
Все глубже погружался в имена.
И не свернул с заветного пути
И то, что так надеялся найти,
Нашел, когда иссяк надежды свет –
Обрел свое призвание – ПОЭТ.

ПАМЯТИ Д. БЕСОГОНОВА

Тонкий рябиновый куст
Молит судьбу пощадить.
Вот и октябрь наступил.

Дождь барабанит в окно,
Дома, в котором тепло.
Кто-то на улице спит.

Вечер. Округа темна.
Небо висит над землей.
Больше не петть соловью.

* * *

Когда из жизни выживу
И кану в тишину,
Я встречу Борю Рыжего
И Нику Турбину,
Дениса Бесогонова
И множество других.
Спрошу у них, что нового
И свой последний стих
Им покажу и, радуясь
Присутствию друзей,
Зажгу на небе радугу
И побегу по ней.

* * *

Я ищу потайные тропы,
Избегаю дороги в Рим,
Где повсюду останки тропов,
Трупы рифм.
Мне изыски аллитераций
И гиперболы не нужны –
Я желаю собой остаться
И свои обессмертить сны.

* * *

Когда художник, взявши кисть,
Подходит трепетно к мольберту,
Он не преследует корысть
И не мечтает о бессмертии.
И эта истина проста
И без усилий уловима,
Она срывается с холста
И устремляется лавиной
На серый однородный мир,
Его дробя и оживляя,
Не как таинственный факир,
Но как мелодия живая.

* * *

После долгой зимы, не сразу,
На излете ночных зарниц
Из краев, недоступных глазу,
Поколения птиц
Возвращаются, чтобы снова
Под присмотром седых ворон
Обустроить жизнь ab ovo
В изумрудности крон.
Все пернатые эмигранты,
Поселившись в стране берез,
От весны получают гранты
На строительство гнезд.
Эта помощь необходима
Блудным детям родной земли,
Чтоб они неуютный климат
Одурачить смогли.
И восприняли постоянство,
Дабы радость, в конце концов,
Расцвела в голубом пространстве
Голосами птенцов.

Воображение рака или рак воображения

(История пациента Л., записанная с его слов)

Человеческое бытие нельзя постичь вне
безумия – более того, оно не было бы
человеческим, не будь именно безумие
внутренним пределом его свободы.
Жак Лакан

И когда я спустился на самое дно мироздания –
Снизу постучали...
Станислав Ежи Лец

АНАМНЕЗ

1

*О, Боже мой! Неужто это я?
Всю жизнь мечтал им стать, и вот... им стал,
Когда уже надежда умерла
И руки опустились до колен
Ужели я осмелился восстать
Перед лицом всеобщей пустоты?
Порядком энтропию обуздать
Сумел, поверив в собственную статью.
Однако, если так, то я – герой.*

2

*А если нет? А если никогда
Им не был я, то в чем моя заслуга?
И, может быть, мне просто повезло,
Ведь этого могло и не случиться,
По меньшей мере, не произойти,
Родись я у родителей других,
В иной стране, галактике, вселенной.
Но, слава Богу, звезды и судьба*

Довольно благосклонны оказались
К моей душе, рассудку моему –
Мне подарив спасителей домашних!

3

Я вырос в замечательной семье –
Интеллигентной, умной, музыкальной.
(Отца и мать считаю образцом
Морали и порядочности в мире
От них весьма далеко.) Посему
Я теплотой родительской и лаской
Был с самого рожденья окружен.
И ими наслаждался неумело,
Неспешно, но довольно благосклонно,
Не ведая ни в чем ограничений,
Изнеженною сущностью своею
Являя центр семейного порядка,
Казавшегося непоколебимым
И заданным на много лет вперед.

4

Однако все меняется, и время
Тенденцию имеет к коррективу
Любого плана, схемы, перспективы –
И жизнь моя, увы, не исключенье.
Я был изнежен радостями детства,
Храним от всевозможных треволнений.
Не ведал зла, печали не касался,
Но все равно из маленького рая
На перепутье осени и лета
Был изгнан, повторив судьбу Адама,
Еще не оперившимся сознанием,
По принуждению знания вкусив.

5

Так наступила школьная пора,
Душившая казарменным порядком
Естественное творчество детей
За стенами бездушных институтов,
Где с помощью безликих механизмов
Из личностей кроились манекены
По тертому шаблону одному.
И, несмотря на труд учителей,
Отдельных одноклассников задатки,
На общем фоне, честно говоря,
Я ощущал слепую агрессивность.
И в серой усредненности жила
Моя душа, что резко выделялась,
Не вписываясь в заданный чертеж
Общепривычной пошлости, поскольку
Все отмечали некую во мне
Чужаковатость, в том числе и в речи,
А также неестественность движений
И легкую растерянность. Но я
Смог устоять, и только потому,
Что с детства отличался от других
И цену издевательствам познал
Гораздо раньше большинства людей.
Мир злобно потешался надо мной,
Выбрасывал из собственных материй,
Хотя, возможно, он не виноват.
Я ждал любви, отлично понимая,
Что в чистом рафинированном виде
Ее не существует, но она

Единственной была альтернативой
Бездушной неестественности чувств.
Я был чужим в компании любой,
Хотя считался парнем компанейским.

Так было страшно мне не быть, как все, –
Хотелось, чтоб как все. Чтоб не убили.
Но чувство одиночества росло,
И пустота неспешно заполняла
Пространство, предоставленное ей
Для поселения в левом подреберье
И, наконец, хлестнула через край,
Сметая все преграды и запреты...

6

Я помню, как все это началось.
Не далее, чем прошлую весною
В один из одиноких вечеров,
Когда от дел недельных отдыхая,
Спокойной ночью перед выходным,
Родители храпели за стеною,
Мной овладела смутная тревога
Неясное предчувствие беды,
Тупое неосознанное чувство
Опасности невидимой. Казалось,
Угроза исходила от всего:
От лиц людских, предметов обихода,
Вещей носильных, нижнего белья
И даже от нательного креста,
Что был подарен бабушкой. Я начал
Внезапно понимать язык зверей,
Растений, минералов. Временами
Я ощущал дыхание Земли.
Тяжелое и нервное движенье
Пылающего воздуха. Во мне
Открылся дар предвидения смерти.

7

Все чувства остроту приобрели,
Наполнились реальным содержанием
Все звуки стали громче, все цвета –
Насыщеннее, запахи – острее,
Как будто мир приблизился и стал
Контрастнее. Мельчайшие детали
Заметно увеличились, и вся
Казавшаяся мне декоративной
Картина мира явно ожила
И закружилась красочным смятением.

8

Бежали дни. И с каждым днем все больше
Я изменялся. Мнительность моя
Достигла удивительных размеров,
Пределов понимания. И я
Со слабостью физической своею
И склонностью врожденной к дистимии
Повсюду начал видеть негатив
И повод для изысканного страха:
Боялся быть укушенным клещом,
На рынке многолюдном потеряться,
Оставить жизнь на улице глухой,
И в сумраке вечернем задохнуться.
Я сторонился местности чужой
И чуждостью знакомой обстановки
Заметно тяготился. Вечеру
Не мог заснуть, а утром – пробудиться.

9

Я ощутил внимание к себе
Со стороны бушующего мира.
Невероятно пристальным оно
Казалось мне. Таким оно и было,
Поскольку превратилось наконец,
Преодолев мое сопротивление,
В необычайно тягостное бремя
Публичности. При выходе из дома
Во взгляды незнакомых мне людей
Я упирался. Сразу за порогом
Не листья шелестели за спиной,
Но шепот шепелявый раздавался.
Все говорили только обо мне
На улицах, в театрах, магазинах,
Передовицы вышедших газет
Портретами моими красовались.
По радио и сети Интернет
Я слышал мириады сообщений,
При этом большинство из них имело
Прямое отношение ко мне,
Моим друзьям, знакомым, сослуживцам.
Мне стало страшно. Я не находил
Причину мирового интереса
К моей малозначительной персоне,
Которая доселе никого
Не трогала. Поэтому решил
На время затаиться, ожидая
Что вскорости со мной произойдет...

10

А вскоре появились голоса,
Нахальные и громкие, как громы.
Их было очень много, и они
Звучали и снаружи, и внутри,

И голова гудела, как орган,
Глухой Бетховен бесновался в ней.
Но голоса с собою принесли
Не только гром – чудесное умение –
Передавать на сотни километров
И мысли и желания. На свете,
Казалось, наступили времена,
Когда необходимость устной речи
Исчезла и обычный разговор
Как стиль коммуникации утратил
Былую ценность, обретя взамен
Одно ретроспективное значение.
На смену устаревшим образцам
Общенья пришли передовые,
Изысканные способы. За ними
Грядущее белеет вдалеке.

11

А осенью я начал видеть сны,
Но не во сне, не лунною порою,
А днем, при свете солнца, наяву
Я видел звезды, солнце и луну.
Гигантский слон с крысиной головой
Шагал ко мне по улицам Бейрута.
Казалось, небо вышло из себя,
Распалось на отдельные фрагменты:
При взгляде на наручные часы
Терялся я, не в силах обнаружить
Значенье сообщаемого мне
Послания о времени, поскольку
Я видел цифры, стрелки, циферблат,
Но как-то по отдельности, неявно.
Сложением машинных номеров
Я получал магические суммы,
Сулившие то славу, то покой.

В сиянии неоновой рекламы
Мне виделась божественные руны,
Невидимые сотням проходящих,
И только мне открытые творцом.
Знаменья были всюду, например,
Однажды после тягостной работы
Я возвращался вечером домой,
Зашел в подъезд и очень удивился –
На лестнице меня подстерегал
Огромный пес – весьма свирепый с виду.
Он посмотрел серьезно на меня
И приподнял серебряную лапу,
Как будто бы приветствуя меня.
И посмотрел в глаза мои глазами
Архангела. Я в ужасе отпрянул
И поспешил домой скорей, в котором,
Захлестнутый панической волною,
Пытался запереться и читать;
Строкой печатной нервы успокоить,
В отрывтой книге мудрость почерпнуть,
Соединить разорванное эго
Восторженностью классика. Увы,
И это благородное занятие
Успокоенья мне не принесло.

12

Я думаю, что кто-то позвонил
И вызвал специальную бригаду
(Иначе бы не прибыли они,
Не позвонили в дверь мою). Я помню,
Как отворил им, как они вошли-
Четыре белоснежные фигуры,
Похожие на древних полководцев.
Один их вид внушал благоговенье.
Сначала я подумал, что они

Мне посланы Спасителем в награду
За долгое смирение мое.
Когда же ощутил прикосновение
Их мертвых рук, то сразу понял – черти.

13

В объятиях приемного покоя
Я был недолго. Грубый санитар
По полутемной лестнице провел
Мое непритязательное тело
В застенки наблюдательной палаты.
Где кто-то пел и громко славил Бога.
Пылающий электроконвульсатор
Меня дразнил языческим ампером.
По пятницам обычно приходил
Высокий хлыщ со свитой, состоящей
Из дюжины молоденьких девиц.
Он бормотал, не глядя на меня:
«Течение зело прогредиентно».
И уходил в зловещей тишине.

14

Полгода я привязанным лежал
К холодной металлической кровати
За то, что откровенно призывал
К восстанию соседей по палате.
И вот однажды в ночь под выходной,
Когда уже надежда угасала,
Я ухитрился руки развязать,
Не разбудив встревоженного эха.
Ночь быстро пролетела, и за ней
Настало искупительное утро.
И я бежал из давящей тюрьмы
При помощи уснувшей санитарки
И ушлого больничного ключа.

15

Теперь я на свободе и теперь
Я сам себе и лекарь и сиделка.
Грядущее и прошлое во мне
Становятся навеки настоящим.
Я альфа и омега, аз и ять,
Начало и конец, исток и устье.
Я обладаю множеством даров:
Всевиденья, всеслышанья, всезнанья.
Внезапно мне открылось, что мое
Призвание – поэзия, и слово –
Мой тайный, небесами данный дар.
А Творчество – попытка воскресить,
Возвысить круговерть существованья,
Ведь я творец и, значит, мне творить
И удивлять бесчисленных потомков.
Я думаю, что память обо мне
Навеки сохранится во вселенной.

Из 3. Херберта

Как неуклюжий шмель,
Сидит он на цветке,
Пока тот не уснет.
Сквозь лепестков преграды,
Как через словари,
Протискиваясь, он
Стремится к центру, где
Все запахи и сладость.
Хотя простужен он
И вкусом обделен,
Он продолжает путь,
Пока не натолкнется
На желтоватый пестик.
Вот, собственно, и все –
Проникнуть нелегко
От чашечки цветка
До самой сердцевины,
Поэтому, когда
Шмель вылезает, он
От гордости жужжит
И громко сообщает
Не верящим ему:
Я побывал внутри –
И предъявляет нос,
Припудренный пылью.

Переводы

Michael Drayton

IDEA XXXVII

DEAR, WHY SHOULD YOU COMMAND ME TO MY REST

Dear, why should you command me to my rest
When now the night doth summon all to sleep?
Methinks this time becometh lovers best;
Night was ordain'd together friends to keep.
How happy are all other living things
Which, though the day disjoin by sev'ral flight,
The quiet ev'ning yet together brings,
And each returns unto his love at night!
O thou that art so courteous else to all,
Why should'st thou, Night, abuse me only thus,
That ev'ry creature to his kind dost call,
And yet 'tis thou dost only sever us?
Well could I wish it would be ever day,
If when night comes you bid me go away.

Из Майкла Дрейтона

СОНЕТ 37

ЗАЧЕМ, ЛЮБИМАЯ, МЕНЯ ТЫ ГОНИШЬ ПРОЧЬ

Зачем, любимая, меня ты гонишь прочь,
Когда объяла землю тьма ночная;
Для пылкой страсти создавалась ночь,
Для нас с тобой, пойми же, дорогая.
Весь мир устал от суеты дневной,
И все, что ходит, плавает, летает,
Друг к другу льнет вечернею порой.
Их всех любовью ночь соединяет.
За что же, ночь, благоволя к другим,
Страстям их и желаньям потакая,
По-прежнему жестока к нам двоим –
Упорно нас друг с другом разлучая?!
Уж лучше вечное господство дня,
Коль ночью ты уходишь от меня.

William Wordsworth

TO SLEEP

A flock of sheep that leisurely pass by,
One after one; the sound of rain, and bees
Murmuring; the fall of rivers, winds and seas,
Smooth fields, white sheets of water, and pure sky;
I have thought of all by turns, and yet do lie
Sleepless! and soon the small birds' melodies
Must hear, first uttered from my orchard trees;
And the first cuckoo's melancholy cry.
Even thus last night, and two nights more, I lay,
And could not win thee, Sleep! by any stealth:
So do not let me wear to-night away:
Without Thee what is all the morning's wealth?
Come, blessed barrier between day and day,
Dear mother of fresh thoughts and joyous health!

Из Вильяма Вордсворда

СОНЕТ СНУ

О стаях птиц в лазурной вышине,
Шмелей жужжанье в полумраке сада,
Овечьем стаде, шуме водопада,
Дожде, морях, сияющей луне, –
О многом передумал в тишине
Бессонной ночи я. Луны лампада
Погаснет скоро. Свежую прохладу
И птичьи гвалт и гомон на стерне
Внесет рассвет в наш мир, а мне покоя
Все нет – блаженный сон ко мне нейдет,
Не принесет божественной рукою
На время избавленье от забот.
Приди ко мне! О сжался надо мною,
Отец здоровья, радости оплот!

John Keats

ON THE GRASSHOPPER AND CRICKET

The poetry of earth is never dead:
When all the birds are faint with the hot sun,
And hide in cooling trees, a voice will run
From hedge to hedge about the new-mown mead;
That is the Grasshopper's - he takes the lead
In summer luxury, - he has never done
With his delights; for when tired out with fun
He rests at ease beneath some pleasant weed.
The poetry of earth is ceasing never:
On a lone winter evening, when the frost

Has wrought a silence, from the stove there shrills
The Cricket's song, in warmth increasing ever,
And seems to one in drowsiness half lost,
The Grasshopper's among some grassy hills.

Из Джона Китса

КУЗНЕЧИК И СВЕРЧОК

Поэзия земли не прекратится:
Когда дневной жарой утомлены
Оркестры птичьи, в царстве тишины
Прекрасный голос по лугам струится.
Это кузнечик звонко веселится,
Его напевы радости полны,
И трели его звучны и сильны,
Пока он сам от них не утомится.
Поэзия земли не прекратится:
В холодный зимний вечер за стеной
Сверчок приподнимает голос свой,
В тепле согревшись, ну а людям снится,
Что не сверчок – кузнечик на лугу
Стрекочет и смеется на бегу.

Christina Georgina Rossetti

REMEMBER

Remember me when I am gone away,
Gone far away into the silent land:
When you can no more hold me by the hand,
Nor I half turn to go yet turning stay.
Remember me when no more day by day
You tell me of our future that you planned;
Only remember me; you understand
It will be late to counsel then or pray.
Yet if you should forget me for a while
And afterwards remember, do not grieve;
For if the darkness and corruption leave
A vestige of the thoughts that once I had,
Better by far you should forget and smile
Than that you should remember and be sad.

Из Кристины Д. Россетти

НЕ ЗАБЫВАЙ

Не забывай меня, когда в иной
Отправлюсь мир за новым бытием,
Не забывай меня, когда вдвоем
Не сможем мы делить наш мир земной,
Не забывай меня, когда со мной
Поговорить не сможешь ни о чем,
Не забывай, когда весенним днем
Молитвы отзовутся тишиной.
Но если ты меня когда-нибудь
На время позабудешь, не грусти –
Я не хочу стать на твоём пути
Туманом, что окутывает даль, –
Меня навеки лучше позабуди,
Коль, вспоминая, чувствуешь печаль.

Christina Georgina Rossetti

UP-HILL

Does the road wind up-hill all the way?
Yes, to the very end.
Will the day's journey take the whole long day?
From morn to night, my friend.

But is there for the night a resting-place?
A roof for when the slow dark hours begin.
May not the darkness hide it from my face?
You cannot miss that inn.

Shall I meet other wayfarers at night?
Those who have gone before.
Then must I knock, or call when just in sight?
They will not keep you standing at that door.

Shall I find comfort, travel-sore and weak?
Of labour you shall find the sum.
Will there be beds for me and all who seek?
Yea, beds for all who come.

В ГОРУ

- Эта дорога наверх идет?
- Да, до вершины горы.
- Придется идти мне весь день напролет?
- С утра до вечерней поры.
- Смогу ль отдохнуть где-нибудь я в пути?
- Да, крышу ты ночью найдешь.
- Смогу ли во тьме я то место найти?
- Ты мимо никак не пройдешь.
- А встречу ли странников я на пути?
- Кто раньше ушел, тех найдешь.
- Тот дом для ночлега найду, а войти
- Смогу ли? - Не бойся, войдешь.
- Усталый, найду ли там сон и покой?
- Все, что заслужил за свой век.
- А хватит ли места для всех, кто со мной?
- Там места хватает для всех.

Thomas Hardy

THE DARKLING THRUSH

I leant upon a coppice gate
When Frost was specter-gray,
And Winter's dregs made desolate
The weakening eye of day.
The tangled bine-stems scored the sky
Like strings of broken lyres,
And all mankind that haunted nigh
Had sought their household fires.
The land's sharp features seemed to be
The Century's corpse outleant,
His crypt the cloudy canopy,
The wind his death-lament.
The ancient pulse of germ and birth
Was shrunken hard and dry,
And every spirit upon earth
Seemed fervorless as I.
At once a voice arose among
The bleak twigs overhead
In a full-hearted evensong
Of joy illimited;
An aged thrush, frail, gaunt, and small,
In blast-beruffled plume,
Had chosen thus to fling his soul
Upon the growing gloom.
So little cause for carolings
Of such ecstatic sound
Was written on terrestrial things
Afar or nigh around,
That I could think there trembled through
His happy goodnight air
Some blessed Hope, whereof he knew
And I was unaware.

31st December 1900 r.

Из Томаса Харди

ЧЕРНЫЙ ДРОЗД

У врат садовых словно тень
Застыл я – ветер выл,
Студеной мглою зимний день
По горизонт заплыл.
Мороз хозяйничал в ветвях
И рвал, как струны, их
Все люди спрятались в домах
Натопленных своих.
Повсюду серые черты
Оставил мертвый век,
Как отпеванье, с высоты
Небесной – ветра бег.
Округа точно замерла
В тяжелом полусне.
Тоска бесстрастная жила
В природе и во мне.
Внезапно голос зазвенел
В морозной вышине
И песню радостно запел
О счастье и весне.
То дрозд замерзший, чуть живой,
На ветке ледяной
Над неизбывной темнотой
Возвысил голос свой.
Казалось, что причины нет
Для праздника души,
Но глас зажегся, словно свет
В безжизненной тиши,
Веселым ровным языком
Рассказывал, звеня,
О чем-то светлом и большом,
Незримом для меня.

31 дек. 1900 г.

William Ernest Henley

INVICTUS

Out of the night that covers me,
Black as the pit from pole to pole,
I thank whatever gods may be
For my unconquerable soul.

In the fell clutch of circumstance
I have not winced nor cried aloud.
Under the bludgeonings of chance
My head is bloody, but unbowed.

Beyond this place of wrath and tears
Looms but the Horror of the shade,
And yet the menace of the years
Finds and shall find me unafraid.

It matters not how strait the gate,
How charged with punishments the scroll,
I am the master of my fate:
I am the captain of my soul.

Из Уильяма Эрнеста Хенли

INVICTUS

Встречая новую зарю,
Встающую из мрака глухо, –
Я всех святых благодарю
За твердость собственного духа.

В тисках железных обстоятельств
Согнулся я, но не сломался;
И сотни выдержал предательств,
И подлецом не оказался.

Над миром гнева и печали
Мерцают ужас и беда,
Но я не трус, и мне едва ли
Сумеют страх внушить года.

Судьбе меня не удушить,
И пусть я в жизни неприкаян –
Я капитан своей души,
Я сам судьбы своей хозяин.

Oscar Wilde

SYMPHONY IN YELLOW

An omnibus across the bridge
Crawls like a yellow butterfly,
And, here and there, a passer-by
Shows like a little restless midge.

Big barges full of yellow hay
Are moved against the shadowy wharf,
And, like a yellow silken scarf,
The thick fog hangs along the quay.

The yellow leaves begin to fade
And flutter from the Temple elms,
And at my feet the pale green Thames
Lies like a rod of rippled jade.

Из Оскара Уайлда

СИМФОНИЯ В ЖЕЛТОМ

Омнибус Желтый по мосту
Ползет, на бабочку похожий,
Бежит взволнованный прохожий,
Подобный мошке на лету.

Сенная баржа над волнами
Уходит тихо от причала.
Укрыта пристань, словно шалью,
Тумана желтыми клубами.
Прозрачно - золотой листвой
Все вязы Темпла покрыты,
Струей рифленого нефрита
Застыла Темза подо мной.

Edwin Arlington Robinson

RICHARD CORY

Whenever Richard Cory went down town,
We people on the pavement looked at him:
He was a gentleman from sole to crown,
Clean favored, and imperially slim.
And he was always quietly arrayed,
And he was always human when he talked;
But still he fluttered pulses when he said,
"Good-morning," and he glittered when he walked.
And he was rich-yes, richer than a king-
And admirably schooled in every grace:
In fine, we thought that he was everything
To make us wish that we were in his place.
So on we worked, and waited for the light,
And went without the meat, and cursed the bread;
And Richard Cory, one calm summer night,
Went home and put a bullet through his head.

Из Эдвина Арлингтона Робинсона

РИДЧАРД КОРИ

Когда бы Ричард Кори не изволил
Покинуть дом – весь город наш смотрел,
Как с царственным достоинством во взоре
Неспешно он шагает. Он умел
Изящно одеваться без излишеств,
В общении галантен и учтив,
Был он умом иных ученых выше,
К тому же вызывающе красив.
Он был богат – по воле провиденья
Он в этой жизни всем был наделен.
Все на него смотрели с восхищеньем,
И каждый быть хотел таким, как он.
И мы трудились, рук не покладая
В надежде, что и нас одарит Бог,
А Ричард Кори в середине мая
Вдруг пулю себе выпустил в висок.

A. A. Milne

HALFWAY DOWN

Halfway down the stairs
Is a stair
Where I sit.
There isn't any
Other stair
Quite like
It.
I'm not at the bottom,
I'm not at the top;
So this is the stair
Where
I always
Stop.

Halfway up the stairs
Isn't up,
And isn't down.
It isn't in the nursery,
It isn't in the town.
And all sorts of funny thoughts
Run round my head:
"It isn't really
Anywhere!
It's somewhere else
Instead"

Из Алана А. Милна

ПОСЕРЕДИНЕ ЛЕСТНИЦЫ

Посередине лестницы
Ступенька
Есть одна.
И нет другой
Ступеньки
Такой же,
Как она.
Она не на вершине
И не на самом дне –
Она посередине,
На ней
Удобно мне.

Посередине лестницы
Ступенька
Есть одна.
Не в городе
На улице
Ни в комнате
Она –
Она посередине,
И, как считаю я,
Ступенька
Эта сделана
Специально
Для меня!

A. A. Milne

INDEPENDENCE

I never did, I never did, I never did like

"Now take care, dear"

I never did, I never did, I never did want

"Hold my hand";

I never did, I never did, I never did think much of

"Not up there, dear"

It's no good saying it. They don't understand.

Из Алана А. Милна

НЕЗАВИСИМОСТЬ

Я никогда, никогда не любил:
"Будь осторожен, милый";
Я никогда, никогда не хотел:
"Давай, за меня держись";
Я никогда не замечал слова:
"Не туда, дорогой!"
Но зачем говорю это я?
Они все равно не поймут!

Edna St. Vincent Millay

BLUEBEARD

This door you might not open, and you did;
So enter now, and see for what slight thing
You are betrayed... Here is no treasure hid,
No cauldron, no clear crystal mirroring
The sought-for truth, no heads of women slain
For greed like yours, no writhings of distress,
But only what you see... Look yet again –
An empty room, cobwebbed and comfortless.
Yet this alone out of my life I kept
Unto myself, lest any know me quite;
And you did so profane me when you crept
Unto the threshold of this room to-night
That I must never more behold your face.
This now is yours. I seek another place.

Из Эдны Сент-Винсент Миллей

СИНЯЯ БОРОДА

Ты права не имел сюда входить
Теперь смотри, какая ерунда
Тебя сумела тайной соблазнить
И заманить неведомым сюда.
Здесь нет сокровищ, кладов – ничего,
Для насыщенья алчности твоей –
На комнату пустынную всего
Пять-шесть пау^чьих порванных сетей.
Вот все мое богатство. До сих пор
Своим считала этот уголок,
Но ты в него прокрался, точно вор,
Тем оскорбив меня. И, видит Бог,
С тобою быть не в силах больше я.
А комната... Теперь она твоя.

Edna St. Vincent Millay

IF I SHOULD LEARN, IN SOME QUITE CASUAL WAY

If I should learn, in some quite casual way,
That you were gone, not to return again -
Read from the back-page of a paper, say,
Held by a neighbor in a subway train,
How at the corner of this avenue
And such a street (so are the papers filled)
A hurrying man - who happened to be you -
At noon today had happened to be killed,
I should not cry aloud - I could not cry
Aloud, or wring my hands in such a place-
I should but watch the station lights rush by
With a more careful interest on my face,
Or raise my eyes and read with greater care
Where to store furs and how to treat the hair.

Из Эдны Сент-Винсент Миллей

КОГДА БЫ МНЕ СЛУЧАЙНО ДОВЕЛОСЬ

Когда бы мне случайно довелось
Узнать о том, что ты покинул свет,
Увидев, в электричке сидя, вкось
В газете, что держал в руках сосед,
Заметку, поднесенную судьбой,
О том, что, скажем, средних лет на вид,
Мужчина, оказавшийся тобой,
Сегодня в полдень был машиной сбит,
Я бы не стала плакать и кричать
И из груди не выпустила б стон,
А начала бы станции считать
И слушать, как качается вагон,
Иль по странице б взгляд перевела
На рубрику "Семейные дела".

W. H. Auden

STOP ALL THE CLOCKS, CUT OFF THE TELEPHONE

Stop all the clocks, cut off the telephone,
Prevent the dog from barking with a juicy bone,
Silence the pianos and with muffled drum
Bring out the coffin, let the mourners come.

Let aeroplanes circle moaning overhead
Scribbling on the sky the message He Is Dead,
Put crepe bows round the white necks of the public doves,
Let the traffic policemen wear black cotton gloves.

He was my North, my South, my East and West,
My working week and my Sunday rest,
My noon, my midnight, my talk, my song;
I thought that love would last forever: I was wrong.

The stars are not wanted now: put out every one;
Pack up the moon and dismantle the sun;
Pour away the ocean and sweep up the wood.
For nothing now can ever come to any good.

Из У. Х. Одена

НИ СЛОВА ВСЛУХ. ЗАТКНИТЕ ТЕЛЕФОНЫ

Ни слова вслух. Заткните телефоны.
Уймите псов. Под плакальщиков стоны
И барабана тихое стучанье
Гроб вынесите медленно в молчаньи.

На шеи белых голубей наденьте
Вы траурные креповые ленты,
Пусть самолеты в воздухе напишут:
Вчера он жил – сегодня он не дышит.

Он для меня был севером и югом,
Зимой и летом, самым лучшим другом;
Я думал, что со мной он будет вечно,
Увы, все в мире слишком скоротечно.

Все выключите звезды до единой,
Срубите лес, луну замажьте глиной.
Закрасьте небо черно-бурым цветом –
Надежды больше нет на свете этом.

Seamus Heaney

MINT

It looked like a clamp of small dusty nettles
Growing wild at the gable of the house
Beyond where we dumped our refuse and old
bottles;
Unverdant ever, almost beneath notice.

But to be fair, it also spelled promise
And newness in the back yard of our life
As if something callow yet tenacious
Sauntered in green alleys and grew rife.

The snip of scissor blades, the light of Sunday
Mornings when the mint was cut and loved:
My last things will be first things slipping from me.
Yet let all things go free that have survived.

Let the smell of mint go heady and defenceless
Like inmates liberated in the yard.
Like the disregarded ones we turned against
Because we'd failed them by our disregard.

Из Шеймаса Хини

МЯТА

Казавшаяся нам крапивой пыльной
Невзрачно бледноватая по тону,
Она росла дикаркой на тыльной
Изнанке дома посреди фронтона,
Устроившись над мусорною кучей,
Хотя, сказать по правде, временами
Ее необъяснимая пахучесть
Надеждою витала между нами.
Веселье ножниц, свежесть воскресенья
И мяты распустившиеся слезы,
Пусть обретут свободное паренье
Минуты, избежавшие склероза.
Пусть запах мяты, вырвавшись наружу,
Как пленник из невольничьего зданья
На волю, оправданием послужит
Всем оскорбленным нашим невниманьем.

Douglas Dunn

A REMOVAL FROM TERRY STREET

On a squeaking cart, they push the usual stuff,
A mattress, bed ends, cups, carpets, chairs,
Four paperback westerns. Two whistling youths
In surplus U.S. Army battle-jackets
Remove their sister's goods. Her husband
Follows, carrying on his shoulders the son
Whose mischief we are glad to see removed,
And pushing, of all things, a lawnmower.
There is no grass in Terry Street. The worms
Come up cracks in concrete yards in moonlight.
That man, I wish him well. I wish him grass.

Из Дугласа Данна

ПЕРЕЕЗД С ТЕРРИ-СТРИТ

В скрипучей тачке небогатый скарб
Они везут: матрацы, полотенца,
Посуду, стулья, пару детективов
Без переплетов. Двое молодых
В поношенной армейской униформе
(На них мешком висящей) перевозят
Семью сестры. Чей муж идет чуть сзади,
Удерживая сына на загривке
(Проказника мы больше не увидим)
И волоча косилку для газона.
Чудак! Травы здесь нету и не будет
На улице, где трещины, как черви,
Среди дворов бетонных. Ну и все же
Добра ему желаю и травы.

Stevie Smith

NOT WAVING BUT DROWNING

Nobody heard him, the dead man,
But still he lay moaning:
I was much further out than you thought
And not waving but drowning.

Poor chap, he always loved larking
And now he's dead
It must have been too cold for him his heart gave way,
They said.

Oh, no no no, it was too cold always
(Still the dead one lay moaning)
I was much too far out all my life
And not waving but drowning.

Стиви Смит

Я НЕ МАХАЛ РУКОЮ, А ТОНУЛ

Никто его не слышал, мертвеца,
А он твердил, не находя покоя:
«Я был безумно далеко от вас,
И я тонул, а не махал рукою».
Бедняга, он таким веселым был...
Зайдет, бывало...
Все говорили – далеко заплыл,
И сердце сдало.
Ах, что за чушь, вода тут ни при чем
(Никак мертвец не мог найти покоя) –
«Вы никогда меня не понимали,
А я тонул, а не махал рукою».

Mary Elizabeth Coleridge

HEAVY IS MY HEART

Heavy is my heart,
Dark are thine eyes.
Thou and I must part
Ere the sun rise.

Ere the sun rise,
Thou and I must part.
Dark are thine eyes,
Heavy is my heart.

Из Мери Элизабет Кольридж

МОЕ СЕРДЦЕ БОЛИТ

Мое сердце болит,
В твоём взоре печаль,
Расставанье сулит
Нам рассветная даль.
Нам рассветная даль
Расставанье сулит –
В твоём взоре печаль,
Мое сердце болит.

Gottfried Benn

EIN WORT

Ein Wort, ein Satz – aus Chiffren steigen
erkanntes Leben, jäher Sinn,
die Sonne steht, die Sphären schweigen,
und alles ballt sich zu ihm hin.
Ein Wort – ein Glanz, ein Flug, ein Feuer,
ein Flammenwurf, ein Sternenstrich –
und wieder Dunkel, ungeheuer,
im leeren Raum um Welt und Ich.

Из Готфрида Бенна

СЛОВО

Из шифров понятую меру
Проводит слово через тьму;
Горит рассвет, безмолвны сферы.
Все возвращается к нему –
К испепеляющему слову,
Частице светлого огня,
Лишь на мгновение – и снова
Пустая тишь вокруг меня.

Alfred Edward Housman

WHITE IN THE MOON THE LONG ROAD LIES

White in the moon the long road lies,
The moon stands blank above;
White in the moon the long road lies
That leads me from my love.

Still hangs the hedge without a gust,
Still, still the shadows stay:
My feet upon the moonlit dust
Pursue the ceaseless way.

The world is round, so travellers tell,
And straight though reach the track,
Trudge on, trudge on, 'twill all be well,
The way will guide one back.

But ere the circle homeward hies
Far, far must it remove:
White in the moon the long road lies
That leads me from my love.

Из Альфреда Э. Хаусмена

БЛЕСТИТ ДОРОГА ПОД ЛУНОЙ

Блестит дорога под луной.
Бежит вперед сквозь ночь.
Блестит дорога под луной.
Ведет от милой прочь.
Недвижно изгородь стоит,
Как тень из страшных снов,
Дорога искрами пылит
После моих шагов.
Хоть путь далек – Земля кругла –
Мне путники твердят:
Куда б тропа ни увела,
Вернешься ты назад.
Но прежде, чем вернусь домой –
Не день пройдет, не год.
Блестит дорога под луной –
От милой прочь ведет.

J.M. Synge

PRELUDE

Still south I went and west and south again,
Through Wicklow from the morning till the night,
And far from cities, and the sights of men,
Lived with the sunshine, and the moon's delight.

I knew the stars, the flowers, and the birds,
The grey and wintry sides of many glens,
And did but half remember human words,
In converse with the mountains, moors, and fens.

Из Д. М. Синга

ПРЕЛЮД

Я шел на юг, на запад и на юг
По Виклоу и днем и при луне –
Прочь от людей, толпящихся вокруг,
Чтобы с луною быть наедине.
И поселился я среди долин,
Смотрел на звезды, травы изучал.
Забыв язык людей, природы сын,
Я на наречьи черных гор молчал.

Eleanor Farjeon

THIS HOLY NIGHT

God bless your house this holy night,
And all within it;

God bless the candle that you light
To midnight's minute:

The board at which you break your bread,
The cup you drink of:

And as you raise it, the unsaid
Name that you think of:

The warming fire, the bed of rest,
The ringing laughter:

These things, and all things else be blest
From floor to rafter

This holy night, from dark to light,
Even more than other;

And, if you have no house tonight,
God bless you, brother.

Из Элинон Фарджен

ЭТА СВЯТАЯ НОЧЬ

Благословит Господь твой дом
Сегодня ночью,

Свечу, что ярко будет в нем
Гореть к полночи,

Благословит обед простой,
Котлы, посуду

И имя, данное тобой
Мечте иль чуду.

Благословит очаг, постель,
Тепло улыбки,

Благословит любую щель
В твоей кибитке.

Забытых нынче не найдешь
И, без сомненья,

И ты, бездомный, обретешь
Благословенье.

LORD RANDAL

"Oh, where have you been, Lord Randal, my son?
Oh, where have you been, my handsome young man?"
"Oh, I've been to the wildwood; mother, make my bed soon,
I'm weary of hunting and I fain would lie down."

"And whom did you meet there, Lord Randal, my son?
And whom did you meet there, my handsome young man?"
"Oh, I met with my true love; mother, make my bed soon,
I'm weary of hunting and I fain would lie down."

"What got you for supper, Lord Randal, my son?
What got you for supper, my handsome young man?"
"I dog eels boiled in broth; mother, make my bed soon,
I'm weary of hunting and I fain would lie down."

"And who got your leavings, Lord Randal, my son?
And who got your leavings, my handsome young man?"
"I gave them to my dogs; mother, make my bed soon,
I'm weary of hunting and I fain would lie down."

"And what did your dogs do, Lord Randal, my son?
And what did your dogs do, my handsome young man?"
"Oh, they stretched out and died; mother, make my bed soon,
I'm weary of hunting and I fain would lie down."

"Oh, I fear you are poisoned, Lord Randal, my son?
Oh, I fear you are poisoned, my handsome young man?"
"Oh, yes, I am poisoned; mother, make my bed soon,
For I'm sick at my heart and I fain would lie down."

ЛОРД РЭНДЕЛ
(Шотландская баллада)

- Сэр Рэндел, мой милый, ты где пропадал?
- Я диких зверей на охоте стрелял –
За день утомился, все силы ушли –
Скорее мне, мама, постель постели.
- А с кем ты обедал, скажи мне скорей?
- Обедал я вместе с невестой своей,
Я так утомился – все силы ушли –
Скорее мне, мама, постель постели.
- Что ел ты, мой милый, скажи мне скорей?
- К столу подавали вареных угрей.
Я так утомился – все силы ушли –
Скорее мне мама постель постели.
- А где же, мой милый, собаки твои?
- Отведав угрей, околели они.
Я так утомился – все силы ушли –
Не спрашивай, мама, – постель постели.
- Мой милый, скажи, не отравлен ли ты?
Боюсь я, что страхи мои не пусты.
- Да, да, я отравлен, все силы ушли –
Скорее, прошу, мне постель постели.

Stephen Crane

There was a man with tongue of wood
Who essayed to sing,
And in truth it was lamentable
But there was one who heard
The clip-clapper of this tongue of wood
And knew what the man
Wished to sing,
And with that the singer was content.

Из Стивена Крейна

Жил когда-то человек с деревянным языком,
Который пытался петь.
По правде говоря, это было жалкое зрелище,
Но нашелся один, кто внимательно слушал
Пародию на песню, слетавшую с деревянного языка.
Один, кто знал, что человек действительно хочет петь.
А певец уже одним этим был доволен.

Stephen Crane

The livid lightnings flashed in the clouds;
The leaden thunders crashed.
A worshipper raised his arm.
"Hearken! Hearken! The voice of God!"

"Not so," said a man.
"The voice of God whispers in the heart
So softly
That the soul pauses,
Making no noise,
And strives for these melodies,
Distant, sighing, like faintest breath,
And all the being is still to hear."

Из Стивена Крейна

Бледная молния вспыхнула в облаках,
Небеса ответили громом.
Богомолец вскинул руку –
Внемлите! Это глас Божий!
Неправда, сказал человек,
Голос Господа шепчет в сердце
Так тихо,
Что душа замирает,
Стараясь не пропустить
Ни звука чудесной мелодии,
Отдаленной и вкрадчивой, как легкое дыхание,
Заставляющей все живое замирать, слушая.

Stephen Crane

If I should cast off this tattered cloth,
And go free into the mighty sky;
If I should find nothing there
But a vast blue,
Echoless, ignorant, -
What then?

Из Стивена Крейна

Если я скину свои лохмотья
И налегке отправлюсь на небеса;
Если я не найду там ничего,
Кроме безбрежной голубизны,
Пустой и безмолвной, –
Что тогда?

Stephen Crane

Fast rode the knight
With spurs, hot and reeking
Ever waving an eager sword.
"To save my lady!"
Fast rode the knight
And leaped from saddle to war.
Men of steel flickered and gleamed
Like riot of silver lights
And the gold of the knight's good banner
Still waved on a castle wall.

A horse
Blowing, staggering, bloody thing
Forgotten at foot of castle wall.
A horse
Dead at foot of castle wall.

Из Стивена Крейна

Рыцарь летел, обгоняя ветер
Со шпорами, дымящимися от бешеной скачки,
Яростно сжимая меч.
«Держись, любимая!»
Быстро скакал рыцарь
И, прискакав, сразу же ринулся в бой.
Люди в латах, как бешеные серебряные молнии,
Сверкали во тьме.
А золотистое рыцарское знамя
Все еще гордо
Реяло над крепостными стенами.
А верный конь,
Обессиленный и жалкий,
Был брошен под крепостными стенами
Умирать.

Stephen Crane

Black riders came from the sea.
There was clang and clang of spear and shield,
And clash and clash of hoof and heel,
Wild shouts and the wave of hair
In the rush upon the wind:
Thus the ride of Sin.

Из Стивена Крейна

Черные всадники вышли из моря
С грохотом, грохотом пик и щитов,
С топотом, топотом многих копыт.
Дикие крики, косматые волосы
Вихрем промчались навстречу ветру:
Греха нашествие.

Stephen Crane

In the desert
I saw a creature, naked, bestial,
Who, squatting upon the ground,
Held his heart in his hands,
And ate of it.
I said: "Is it good, friend?"
"It is bitter - bitter," he answered;
"But I like it
Because it is bitter,
And because it is my heart."

Из Стивена Крейна

В пустыне
Я увидел существо нагое и полудикое.
Оно сидело на корточках на земле,
Держало в руках собственное сердце
И ело его.
Я спросил: «Вкусное ли оно, друг?»
«Нет, оно горькое-горькое», –
ответило существо, –
«Но мне оно нравится,
Потому что оно горькое
И потому что оно мое».

Stephen Crane

Many workmen
Built a huge ball of masonry
Upon a mountain-top.
Then they went to the valley below,
And turned to behold their work.
"It is grand," they said;
They loved the thing.

Of a sudden, it moved:
It came upon them swiftly;
It crushed them all to blood.
But some had opportunity to squeal.

Из Стивена Крейна

Сотни рабочих
Выложили огромный шар из кирпича
На вершине горы.
Затем они спустились в долину
И обернулись, чтобы взглянуть на свое
творение.
- Это грандиозно, - они твердили,
Восхищаясь шаром.
Внезапно он тронулся
И быстро покатился на них -
И всех раздавил,
Кое-кто, правда, успел взвизгнуть.

Stephen Crane

A man saw a ball of gold in the sky,
He climbed for it,
And eventually he achieved it -
It was clay.

Now this is the strange part:
When the man went to the earth
And looked again,
Lo, there was the ball of gold.
Now this is the strange part:
It was a ball of gold.
Aye, by the heavens, it was a ball of gold.

Из Стивена Крейна

Человек увидел в небе золотой шар
И полез за ним.
Со временем он достиг его,
Но тот оказался глиняным.
Это может показаться странным,
Но, когда человек спустился на землю
И снова посмотрел,
О чудо! В небе висел золотой шар –
Это может показаться странным,
Но в небе висел золотой шар,
Клянусь Богом – это был золотой шар.

Stephen Crane

There was, before me,
Mile upon mile
Of snow, ice, burning sand.
And yet I could look beyond all this,
To a place of infinite beauty;
And I could see the loveliness of her
Who walked in the shade of the trees.
When I gazed,
All was lost
But this place of beauty and her.
When I gazed.
And in my gazing, desired,
Then came again
Mile upon mile,
Of snow, ice, burning sand.

Из Стивена Крейна

Передо мной
На многие мили
Расстиались снега, льды и жгучие пески.
И все же виделось мне за ними
Место неопишуемой красоты
И прелесть гуляющей в тени деревьев.
Когда я смотрел,
Все остальное исчезало.
Я видел только ее,
Когда я смотрел.
И мечтой крепился и снова
Шел мило за милей
Через снега, льды и жгучие пески.

Henry Wadsworth *Longfellow*

CURFEW

1. Solemnly, mournfully,
Dealing its dole,
The Curfew Bell
Is beginning to toll.

Cover the embers,
And put out the light;
Toil comes with the morning,
And rest with the night.

Dark grow the windows,
And quenched is the fire;
Sound fades into silence, -
All footsteps retire.

No voice in the chambers,
No sound in the hall!
Sleep and oblivion
Reign over all!

2. The book is completed,
And closed, like the day;
And the hand that has written it
Lays it away.

Dim grow its fancies;
Forgotten they lie;
Like coals in the ashes,
They darken and die.

Song sinks into silence,
The story is told,
The windows are darkened,
The hearth-stone is cold.

Darker and darker
The black shadows fall;
Sleep and oblivion
Reign over all.

Из Генри Уодсворта Лонгфелло

КОЛОКОЛЬНЫЙ ЗВОН

1. Торжественно, тихо,
Протяжно, как стон,
Плывет над Землей
Колокольный звон.
Огонь не играет
В лампаде пустой –
Ведь день для работы,
А ночью покой.
Не светятся окна,
Потушен камин,
И звук замирает,
Оставшись один.
Ни слова не слышно,
Ведь ночь, а не день –
Повсюду царят
Лишь забвенье и лень.

2. Написана книга,
Отложена прочь.
Как тень, на страницы
Спускается ночь.
Источника знаний
Немеркнувший свет
Хиреет и чахнет
Под бременем лет.
Окончена песня,
Дописан рассказ;
И темные окна
Не радуют глаз.
На крыльях ночи
Опускается тень –
Повсюду царят
Лишь забвенье и лень.

William Blake

THE TIGER

Tiger! Tiger! burning bright
In the forest of the night
What immortal hand or eye
Could frame thy fearful symmetry?
In what distant deeps or skies
Burnt the fire of thine eyes?
On what wings dare he aspire?
What the hand dare seize the fire?
And what shoulder, and what art,
Could twist the sinews of thy heart?
And when thy heart began to beat,
What dread hand? and what dread feet?
What the hammer? what the chain?
In what furnace was thy brain?
What the anvil? what dread grasp
Dare its deadly terrors clasp?
When the stars threw down their spears,
And watered heaven with their tears,
Did he smile his work to see?
Did he who made the lamb make thee?
Tyger! Tyger! burning bright
In the forests of the night,
What immortal hand or eye
Dare frame thy fearful symmetry?

Из Вильяма Блейка

ТИГР

Тигр, о тигр в чащобе темной,
Блеску молнии подобный,
Чьей десницей роковой
Создан образ грозный твой?
Из каких глубин был взят
Тот огонь, каким горят
Твои очи? Чья ладонь
Унесла живой огонь?
Кто в клубок единый свил
Миллион железных жил?
Кто услышал сердца стук –
Новой жизни первый звук?
Где тот молот, что ковал
Твое тело? Чем он стал?
Кто в руке его вздымал?
В горне чьем твой мозг пылал?
Глядя на тебя в тиши,
Ликовал ли от души
Или был он поражен?
Агнца тоже сделал он?
Тигр, о тигр в чащобе темной,
Блеску молнии подобный,
Чьей десницей роковой
Создан облик грозный твой?

John Keats
MEG MERRILIES

Old Meg she was a gipsy;
And liv'd upon the moors:
Her bed it was the brown heath turf,
And her house was out of doors.

Her apples were swart blackberries,
Her currants, pods o' broom;
Her wine was dew of the wild white rose,
Her book a church-yard tomb.

Her brothers were the craggy hills,
Her sisters larchen trees;
Alone with her great family
She liv'd as she did please.

No breakfast had she many a morn,
No dinner many a noon,
And 'stead of supper she would stare
Full hard against the moon.

But every morn, of woodbine fresh
She made her garlanding,
And every night the dark glen yew
She wove, and she would sing.

And with her fingers old and brown
She plaited mats o' rushes,
And gave them to the cottagers
She met among the bushes.

Old Meg was brave as Margaret Queen,
And tall as Amazon:
An old red blanket cloak she wore,
A chip hat had she on.
God rest her aged bones somewhere -
She died full long agone!

Из Джона Китса

МЭГ МЭРРИЛИЗ

Цыганка Мэг вдали жила
От шумных городов,
Постелью ей трава была,
Шатром – лесной покров.
Ей лес плоды свои дарил,
Росу давал туман,
Ее настольной книгой был
Могильных плит роман.
Деревья сестрами звала,
А братьями – холмы.
Старуха Мэг, она была
Счастливее, чем мы.
Порой неделями она
Бывала голодна,
Давала силы ей сполна
Прекрасная луна.
Она сплетала из цветов
Волшебные венки
И пела песенки без слов,
Не ведая тоски.
Руками умными плела
Циновки для крестьян.
Она достойнейшей была
Из нынешних цыган.
Как Амазонка высока,
Как Маргарет смела,
В своем поношенном плаще
Цыганка Мэг была, –
Мир праху Мэгги, что давным-
Давно от нас ушла.

Thomas Campbell

FLORINE

Could I bring back lost youth again
And be what I have been,
I'd court you in a gallant strain,
My young and fair Florine.

But mine's the chilling age that chides
Devoted rapture's glow,
And Love - that conquers all besides -
Finds Time a conquering foe.

Farewell! We're severed by our fate
As far as night from noon;
You came into the world too late,
And I depart so soon.

Из Томаса Кэмпбелла

К ФЛОРИН

Сумей я юность возвратить,
Вернуть былую стать –
Как стал бы я тебя любить
И нежно целовать.
Но старость не дает любить –
Всему виной она.
И временем (что толку нить)
Любовь побеждена.
Прощай! Судьба нас развела,
Как завтра и вчера.
Ты слишком поздно в мир пришла –
Мне уходить пора.

John Keats

WHEN I HAVE FEARS THAT I MAY CEASE TO BE

When I have fears that I may cease to be
    Before my pen has gleaned my teeming brain,
Before high-piled books, in charactery,
    Hold like rich garners the full ripened grain;
When I behold, upon the night's starred face,
    Huge cloudy symbols of a high romance,
And think that I may never live to trace
    Their shadows, with the magic hand of chance;
And when I feel, fair creature of an hour,
    That I shall never look upon thee more,
Never have relish in the faery power
    Of unreflecting love; - then on the shore
Of the wide world I stand alone, and think
    Till love and fame to nothingness do sink.

Из Джона Китса

КОГДА МНЕ СТРАШНО, ЧТО УЙТИ МОГУ

Когда мне страшно, что уйти могу,
Не передав слова свои бумаге,
И мысли, что в стихах не сберегу,
Погибнут, как несобранные злаки;
Когда смотрю вечернею порой
На россыпь звезд и облака под нею
И вижу, что за краткий век земной
Я красоту понять их не успею;
Когда, минутный баловень судьбы,
О близости разлуки размышляю,
О том, что обратятся в прах мечты –
Тогда один в молчаньи застываю
И думаю до той поры, когда
Любовь и слава сгинут без следа.

Emily Dickinson

I REASON, EARTH IS SHORT

I reason, Earth is short -
And Anguish - absolute -
And many hurt,
But, what of that?

I reason, we could die -
The best Vitality
Cannot excel Decay,
But, what of that?

I reason, that in Heaven -
Somehow, it will be even -
Some new Equation, given -
But, what of that?

Из Эмили Дикинсон

Я ЗНАЮ – ЖИЗНЬ ТОСКА

Я знаю – жизнь тоска.
В ней боли – на века.
И юность коротка,
Но что с того?

Я знаю – в свой черед
За жизнью смерть придет,
Живучесть не спасет,
Но что с того?

Я знаю – все равно
Все будет сведено
На небесах в одно –
Но что с того?

Richard M. West

ALL THE DRUNKEN POETS

When they come over
we sit in the garden
under the jubjube tree
where we drink wine
& read our latest poems
hoping a few
will survive

& this must be
how it has always been
even when Li Po
got together with his friends
in some shady spot
to read their new poems
& then get drunk

while the poems
were left scattered in the grass
most of them blowing away.

Из Ричарда М. Вэста

ВСЕМ ПЬЯНЫМ ПОЭТАМ

Когда они приезжают,
Мы идем в парк.
Где, сидя под деревьями,
Пьем вино и читаем
Свои свежие стихи,
Надеясь, что хоть некоторые
Из них увидят свет.
Сегодня, похоже, будет как всегда,

Еще, Ли По собирался с друзьями в каком-нибудь
Затененном местечке, они тоже читали свои стихи,
А затем напивались в стельку.
А когда стихи оставались разбросанными по траве,
Многие из них уносило прочь.

Sir Philip Sidney

MY TRUE-LOVE HATH MY HEART, AND I HAVE HIS

My true-love hath my heart, and I have his,
By just exchange, one for the other giv'n.
I hold his dear, and mine he cannot miss;
There never was a better bargain driv'n.
His heart in me keeps me and him in one,
My heart in him his thoughts and senses guides;
He loves my heart, for once it was his own;
I cherish his, because in me it bides.
My true love hath my heart and I have his.

Из Сэра Филипа Сиднея

МОЕ ВЗЯЛ СЕРДЦЕ МИЛЫЙ, ДАВ СВОЕ

Мое взял сердце милый, дав свое.
Такой обмен мы тайно совершили.
Его храню я сердце, он – мое.
Едва ли сделки выгоднее были.
Мое в нем сердце им повелевает,
Его во мне объединяет нас.
Мое он сердце собственным считает,
Его – своим я чувствую сейчас.
Мое взял сердце милый, дав свое.

Andrew Motion

IN THE ATTIC

Even though we know now
your clothes will never
be needed, we keep them,
upstairs in a locked trunk.

Sometimes I kneel there,
holding them, trying to relive
time you wore them, to remember
the actual shape of arm and wrist.

My hands push down between
hollow, invisible sleeves,
hesitate, then lift
patterns of memory:

a green holiday, a red christening,
all your unfinished lives
fading through dark summers,
entering my head as dust.

Из Эндрю Моушена

НА ЧЕРДАКЕ

Даже теперь, когда мы знаем,
Что твоя одежда никогда
Не понадобятся,
Мы продолжаем хранить ее
Наверху в запертом сундуке.
Временами
Я встаю на колени,
Наклоняюсь над сундуком
И пытаюсь воскресить время,
Когда ты носила ее,
Чтоб вернуть очертанья
Плеча, запястья.
Мои руки скользят
Через рукава -
Пустые, бесплотные,
Замирают на миг,
И память приносит образы:
Зеленые - дня рождения,
Розовые - крещения:
Жизни, не прожитые тобой,
Сквозь безнадежные лета
Пылью глаза мне застыт.

Richard M. West

GALLANT FOX

Sometimes my father would quote Socrates
but always sparingly
& always with the same old line:

“All things in moderation.”

& he would tell the story
of how he pulled himself out of debt
in the Depression year of 1930
by betting Gallant Fox to win
in the Kentucky Derby.

“But I didn’t overdo it,” he would say.
“That was the last time I ever played the horses.”

Then one day I looked it up
& sure enough
Gallant Fox did take the Derby
in 1930
but later he also took the Preakness & the Belmont,
winning the Triple Crown that year

& I decided then & there
that once in a while
even moderation
could be overdone.

Из Ричарда М. Веста

ГЭЛЛАНТ ФОКС

Бывало, мой отец цитировал Сократа,
Но всегда очень скуп
И всегда одну и ту же строчку:
«Все хорошо в меру».
После этого он рассказывал о том,
Как выгасил себя из долгов
Во время великой Депрессии 1930 года,
Поставив на Гэлланта Фокса, победившего
На скачках в Кентукки.
«Но я вовремя остановился», – говорил отец, –
«Это была моя последняя ставка на скачках,
После этого я уже не играл».
Позже я убедился,
Что Гэллант Фокс действительно
Выиграл те скачки в 1930-ом,
Но более того, он победил также
На скачках в Прикнессе и Бельмонте.
Оказавшись трижды победителем в том году.
И я тогда подумал,
Что иногда даже
Умеренность бывает не в меру.

Charles Bukowski

SO YOU WANT TO BE A WRITER?

if it doesn't come bursting out of you
in spite of everything,
don't do it.

unless it comes unasked out of your
heart and your mind and your mouth
and your gut,
don't do it.

if you have to sit for hours
staring at your computer screen
or hunched over your
typewriter
searching for words,
don't do it.

if you're doing it for money or
fame,
don't do it.

if you're doing it because you want
women in your bed,
don't do it.

if you have to sit there and
rewrite it again and again,
don't do it.

if it's hard work just thinking about doing it,
don't do it.

if you're trying to write like somebody
else,
forget about it.

if you have to wait for it to roar out of
you,
then wait patiently.
if it never does roar out of you,
do something else.

if you first have to read it to your wife
or your girlfriend or your boyfriend
or your parents or to anybody at all,
you're not ready.

don't be like so many writers,
don't be like so many thousands of
people who call themselves writers,
don't be dull and boring and
pretentious, don't be consumed with self-
love.

the libraries of the world have
yawned themselves to
sleep

over your kind.
don't add to that.
don't do it.

unless it comes out of
your soul like a rocket,
unless being still would
drive you to madness or
suicide or murder,
don't do it.

unless the sun inside you is
burning your gut,
don't do it.

when it is time,
and if you have been chosen,
it will do it by
itself and it will keep on doing it
until you die or it dies in
you.
there is no other way.

and there never was.

Из Чарльза Буковски

Если это не прорывается изнутри
Несмотря ни на что,
Не пиши.

Если это не выходит без спроса
Из твоего сердца и ума,
из всех внутренностей
не срывается с языка,
не пиши.

Если тебе приходится сидеть часами,
Уставившись в монитор
Или согнувшись над
Пишущей машинкой,
Подбирая слова –
Это не твое.

Если ты делаешь это ради денег или славы,
Не пиши.

Если ты делаешь это для того, чтобы затащить
женщину
В постель,
Не пиши.

Если ты сидишь и переписываешь все снова и
снова,
Не пиши.

Если тебе тяжело даже думать о письме,
Не пиши.

Если ты пытаешься писать как кто-нибудь
другой –
Забудь про это.

Если тебе приходится ждать пока это не
вырвется
Изнутри,
Жди терпеливо.

Но если это так и не приходит,
Займись чем-нибудь другим.
Если ты сначала читаешь написанное своей
жене,
Или подруге, или другу, или родителям
Не важно кому,
Ты еще не готов.
Не будь похож на большинство писателей,
Не будь похож на великое множество людей,
Называющих себя писателями.
Не будь тупым и занудным,
Не будь надменным.
Библиотеки всего мира
Зевают от скуки,
Взирая на подобных тебе,
Не умножай их число,
Не пиши.
Если это ракетой
Не вылетает из твоего сердца,
Если молчание не сводит
Тебя с ума,
Не ведет к самоубийству или убийству,
Не пиши.
Если это, как солнце,
Не жжет тебя изнутри,
Не пиши.

Когда придет время,
И если ты будешь избран,
Это само найдет тебя
И неотступно будет с тобой,
Пока ты не умрешь сам,
Или это не умрет в тебе.
Нет другого пути
И никогда не было.

Seamus Heaney

ST KEVIN AND THE BLACKBIRD

And then there was St Kevin and the Blackbird.
The saint is kneeling, arms stretched out, inside
His cell, but the cell is narrow, so

One turned-up palm is out the window, stiff
As a crossbeam, when a blackbird lands
And lays in it and settles down to nest.

Kevin feels the warm eggs, the small breast, the tucked
Neat head and claws and, finding himself linked
Into the network of eternal life,

Is moved to pity: now he must hold his hand
Like a branch out in the sun and rain for weeks
Until the young are hatched and fledged and flown.

And since the whole thing's imagined anyhow,
Imagine being Kevin. Which is he?
Self-forgetful or in agony all the time

From the neck on out down through his hurting forearms?
Are his fingers sleeping? Does he still feel his knees?
Or has the shut-eyed blank of underearth

Crept up through him? Is there distance in his head?
Alone and mirrored clear in love's deep river,
"To labour and not to seek reward," he prays,

A prayer his body makes entirely
For he has forgotten self, forgotten bird
And on the riverbank forgotten the river's name.

Шеймас Хини

СВЯТОЙ КЕВИН И ДРОЗД

И были тогда святой Кевин и дрозд.
Святой в узкой келье, сжимающей тело,
Стоит на коленях и молится, руку
Просунув в окно несгибаемой жердью –
Ладонью наверх. На ее неподвижность
Спускается дрозд с высоты и гнездится.

И, теплые яйца в руке ощущая,
Святой принимает свою сопричастность
К сплетению вечности жизни. Отныне,
Почувствовав жалость, в любую погоду
Он должен хранить неестественность позы,
Пока молодые гнезда не покинут.

Теперь, ибо все представленью доступно –
Молящимся Кевином вообразите
Себя. Каково ему в маленькой келье?
Забылся ли он или гонит страданье
От ноющей шеи к гудящим предплечьям?
Колени не ноют? Не сводит ли пальцы?
А может, слепое дыхание смерти
Уже подобралось к нему?
Одинокий
В любви и покое он молится: «Труд мой
Не ищет награды» – И эта молитва
Члены его укрепляет, поскольку
Себя забывает он, птицу и имя
Реки, над которой молитву свершает.

МАРКОВ ИЛЬЯ ВЛАДИМИРОВИЧ – поэт и переводчик. Родился в 1975 году в Ижевске. Окончил экономический факультет и Институт иностранных языков и литературы Удмуртского государственного университета. Публиковался в литературных журналах: «Луч» (Ижевск), «Кольцо А» (Москва), «День и ночь» (Красноярск); альманахах: «Страницы» (Москва), «Аквилон» (Ижевск); коллективных поэтических сборниках.
«Ось одиночества» – первая книга поэта.